

Наследник
ДЛЯ ШАХА

АННА ГУР

Анна Гур
Наследник для Шаха
Серия «Одержимые», книга 7
Серия «Тайные наследники
миллиардеров», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68337881*

Аннотация

– Куда спешишь, красивая?

Огромный мужчина преграждает мне путь, а я буквально теряю дар речи. Черные восточные глаза скользят по моему лицу и шее вниз, останавливаются на листке, который продолжаю сжимать в охладевших пальцах, прижатых к груди.

– Направление на аборт?!

Голос Шаха становится глухим, рычащим. На дне черных глаз вспыхивают искры.

– Аборта не будет!

Делаю шаг назад, но крепкие пальцы смыкаются на моем запястье.

– Это не ваше дело! Вы не имеете права мне приказывать! – рывкаю зло, со всем пылом и обидой.

– Еще как имею! Все права на твое тело теперь у меня.
Учитывая, что ребенок, которого носишь – мой!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	59
Глава 8	71
Глава 9	78
Глава 10	92
Глава 11	113
Глава 12	133
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Анна Гур

Наследник для Шаха

Глава 1

Полина

– Следующая, заходите! – окрик из-за белоснежной двери заставляет поежиться и бросить взгляд на других молодых женщин, которые ждут своей очереди к гинекологу.

Выдыхаю и берусь за ручку двери, решительно захожу в кабинет врача.

– Фамилия? – резковато спрашивает женщина и отрывает взгляд от журнала.

– Полина Журавлева, – отвечаю робко.

Темноволосая коротко стриженная брюнетка бросает на меня взгляд поверх очков.

– По какому вопросу?

– Я на осмотр...

– Ясно.

Кивает многозначительно и опять бросает на меня испепеляющий взгляд. Я еще ничего не успела сделать, а кажется, что вызываю острую неприязнь у женщины.

– Цикл какой у тебя?

Опять вопрос застаёт врасплох.

– У меня задержка примерно месяц.

– Ясно, – опять коронное слово, которое уже набило оскомину.

– Раздевайся и ложись в кресло, Журавлева.

Киваю и прохожу за ширму, начинаю шуршать одеждой.

– Когда был последний половой акт?

Вдогонку летит вопрос, и я чуть не роняю платье из враз ослабевших пальцев.

Прикрываю глаза, чтобы не расплакаться. Мой первый и единственный раз был более месяца назад. Стоит об этом подумать, как щеки обдаёт жаром, а сердце пропускает рваный удар. Гоню от себя проклятые мысли и отвечаю как можно более спокойно, но у меня не выходит, голос все-таки предательски дрожит:

– Где-то полтора месяца назад...

– Нижнее белье тоже снимай.

Отдает очередной приказ гинеколог и я неуклюже снимаю белое хлопковое белье, ложусь на специальное кресло и жмуруюсь.

Все, что со мной происходит, напоминает страшный сон. Мне кажется, что я сплю. Не может быть все это правдой. Только ночь с горячим восточным мужчиной в моей жизни все-таки была... Не могло мне такое бесстыдство присниться и все, что Шах вытворял с моим телом, не может быть плодом моего воображения.

В жизни не ведала, что такое возможно, что можно так терять себя в руках мужчины и улетать только для того, чтобы упасть и разбиться вдребезги...

– Тест на беременность делала?

Спрашивает врач, проходя за ширму и надевая резиновые перчатки с жутким щелчком.

Смотрит мне в глаза, ожидая ответа.

Прикусываю сухие губы, собираюсь и выдаю ответ:

– Да. Положительный.

Кивает и начинает осмотр.

– Ноги согни в коленях, – командует безэмоционально, а я жмурюсь и прикусываю губы от неприятных ощущений. Врач не собирается со мной деликатничать.

– Возраст?

– Что?

– Сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Замужем?

– Нет.

– Любовь Сергеевна, принесла результаты анализов Журавлевой. ХГЧ высокий. Беременность подтвердилась, – раздается звонкий голос из-за ширмы.

– Свет, положи результаты на стол, просмотрю.

Медсестра выходит, а врач опять бросает на меня взгляд.

– Ну что же, Журавлева. Все у тебя по срокам в норме. Беременность подтверждаю. Можешь известить отца ребенка.

Прикусываю губу, а врач смотрит на меня секунду, затем снимает перчатки и, развернувшись, направляется к столу, а я пускаю слезу. До сих пор была вероятность, что я ошиблась, что ночь не оставила последствий, кроме моего разбитого сердца, но гинеколог сломала мои последние надежды.

Беременна...

Беременна от Шаха. От мужчины, который обладает безграничной властью. Который принял меня за девицу легкого поведения и заплатил за ночь...

Прикрываю глаз, собираюсь и заставляю себя одеться.

Выхожу к врачу и сажусь на обшарпанный стул, жду не пойми чего, пока гинеколог продолжает писать что-то в медкарте. Я для нее одна из многих пациенток, залетевших случайно. Буквально кожей чувствую негативное отношение врача к себе. Объяснять что-то постороннему человеку я не собираюсь. Да и что говорить? – С беременностью что делать намерена?

Очередной вопрос оглушает.

– Что?

Не сразу понимаю, что именно у меня спрашивают.

– Беременность, говорю, оставляешь или на аборт пойдешь?

Опять смотрит на меня поверх очков и взгляд голубых глаз равнодушный. Женщине совершенно наплевать на мои душевные метания, на мои чувства, которые выходят из-под контроля, как только я слышу страшное слово аборт.

Замираю и прирастаю к стулу. Новость о моей беременности уже стала шоком, а подобное предложение от врача ввело в самый настоящий ступор.

Впрочем, мой ответ женщине и не нужен, она, видимо, понимает мое замешательство по-своему, кивает и открывает ящик, достает оттуда листок, испещренный текстом, делает какие-то пометки, ставит подпись и протягивает мне.

А я даже прочитывать ничего не могу, перед глазами текст расплывается, ком в горле душит, я дышать не могу, больно.

Все это как ушат ледяной воды обрушивается на меня и лишает всякого самоконтроля.

Я в столице одна. Родители далеко. Пришлось совмещать учебу в университете и работу в отеле горничной, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, а в последнее время денег нужно было больше. Папа заболел, мама не справлялась и я...

Обрубаю мысль.

Чего уж теперь думать. У меня и работы теперь нет. Уволена. Ничего нет. Только жизнь внутри меня...

– Значит так, Журавлева, – продолжает вещать врач, – таблетированный аборт в твоем случае уже не подходит по срокам. Придется на процедуру прийти. Вот мое направление. Иди в регистратуру. Там по анализам запишешься.

Протягивает мне листок, и я беру его на автомате, смотрю на буквы, но текста не вижу. Все еще шок.

Беременность и направление на аборт. Две новости в моей

жизни приходят одновременно и ударяют одна сильнее другой.

Как выхожу из кабинета, не понимаю. Сжимаю в руках бумагу, которую должна была отнести в регистратуру, но я прохожу мимо стойки, где полноватая женщина кричит на какую-то пациентку, предъявляющую ей какие-то претензии.

Выхожу на улицу. Я нахожусь в полнейшем шоке. Словно не со мной этот весь кошмар происходит. Глаза печет от сдерживаемых слез. Что делать. Как быть, не знаю.

До слуха начинает доходить звон, я с трудом понимаю, что это мой мобильник, копошусь в старенькой сумке и достаю его. Отвечаю на входящий.

– Полинка, ну что там? Куда ты пропала?

Таня работает со мной в том же элитном ресторане с широким спектром отдыха для богатых. По сути, подруга меня туда и устроила горничной, только работали мы обе в дневную смену, кроме того единственного раза, когда я вышла в ночь...

– Почему ты молчишь?

– Беременна я...

Выдыхаю в трубку и это становится последней каплей: меня буквально накрывает истерикой, и я начинаю рыдать в голос.

– Дела... Ты что, от самого Шаха залетела, получается?!

Брякает подруга и я начинаю плакать еще горше. Потому что моим первым мужчиной стал самый опасный человек

города.

– Мне дали направление на аборт, – отвечаю отстраненно.

В трубке слышна тишина, но после короткой паузы Таня отвечает:

– Может, это и правильно. Ты приезжай. Я дома уже. Поговорим, обсудим все...

Просто отключаю вызов. Силы заканчиваются. Сую телефон в сумку, а бумажку от врача все продолжаю сжимать ледяными пальцами...

Иду куда глаза глядят, а по лицу градом текут слезы. Не об этом я мечтала. Не этого хотела. Да и за что жизнь так со мной? Никому никогда зла не делала, все надеялась познакомиться однажды любовь, большую и чистую, и отдаться мужчине, который завоюет мое сердце. Да, наивно, но хотелось все правильно. Надежный парень рядом, пусть небогатый, но верный, и мы рука об руку в жизни всего добьемся.

А не провести ночь с опасным мужчиной, одно лишь имя которого наводит страх на всех. А затем получить деньги за свои услуги.

Как такое могло произойти в моей тихой размеренной жизни? И я бы очень хотела бросить Шахову в лицо его проклятые деньги, но это невозможно...

Мыслей в голове слишком много, я размазываю слезы по щекам и иду по тротуару, смотрю под ноги, разглядываю вмятины и сколы. Солнце стоит уже высоко и ощущается неприятный зной. Хочется побыстрее дойти до остановки и

дождаться автобуса под навесом. Солнце припекает макушку.

Я иду не оглядываясь и не замечая никого. Рядом с обочинной тормозит огромный внедорожник, я это подмечаю мельком, продолжая идти вперед, прохожу мимо гигантской машины и слышу хлопок двери.

Слезы мешают, шмыгаю носом, когда позади себя слышу грубый хриплый голос.

– Далеко собралась, красивая?

Глава 2

Немного ранее

– Мне очень нужны дополнительные часы работы, – проговариваю, глядя в глаза главному менеджеру ресторанного комплекса с пафосным названием “Элит” Веронике Зуевой.

Женщина отрывается от бумаг, которые изучает, и окидывает меня внимательным взглядом.

– Журавлева, ты у меня числишься сотрудницей клининговой службы, так?

Киваю.

– У нас сейчас массовая нехватка персонала. Ты взяла уже дополнительные часы на прошлой неделе. Работаешь, что называется, на убой, про какие еще часы может быть речь?! Мне не нужно, чтобы ты филонила и начали поступать жалобы из-за того, что кто-то не справляется и дрыхнет на рабочем месте!

Поджимает губы и поправляет коротко стриженные волосы, а я вспоминаю, как недавно из-за нерасторопности были уволены пара сотрудниц.

Женщина Вероника Кирилловна эффектная, несмотря на то, что ей далеко за пятьдесят, выглядит она на тридцать с хвостиком. Следит за собой, что не мудрено с такими-то деньжищами.

– Я слышала, что Виталий Григорьевич сетовал, что у вас

девушка заболела. Я могу подменить!

— И много чего еще ты слышала? — приподнимает скептически бровь. — Видимо, у тебя времени действительно достаточно, чтобы еще и за управляющим следить.

Откидывается в кресле и смотрит на меня в упор, рассматривает. Едко так. Не по себе становится.

— А я смотрю, ты не промах. Всего ничего тут, а уже решила подсуетиться...

Проговаривает прищурившись. А я комкаю в руках старый платок. Плохая привычка теревить что-то в руках, когда нервничаю.

Хотя в чем-то главная права. Сюда на работу так просто не попасть. Нужны рекомендации, которых у меня нет.

— Я все понимаю, Вероника Кирилловна, но я старательная и исполнительная. За два месяца, я думаю, вы уже сделали выводы о моей работоспособности.

Раздается неприятный скрежет. Вероника Кирилловна царапает алыми коготкам полированную поверхность своего стола.

Видимо, мои доводы ее не впечатляют.

— Мне просто очень нужен дополнительный заработок. Я в отчаянии, прошу. Я... на все готова, буду старательной, вы не пожалеете! Обещаю!

— Дополнительный, говоришь?

Опять вопрос и длинный алый ноготок поправляет белоснежную прядку в модельной стрижке.

И опять я чувствую на себе едкий взгляд, от которого хочется поежиться.

У Вероники Кирилловны проскальзывает что-то странное в глубине голубых глаз.

Раздается звонок и женщина отвлекается на разговор, и по мере ее ответов замечаю, как лицо меняется, взгляд, впи- вающийся в меня, становится все более тяжелым.

– Хорошо. Я организую. Но вы вгоняете меня в жесточай- шие рамки...

Женщина откладывает телефон и, сцепив пальцы в замок, продолжает рассматривать меня. Становится неприятно. Хо- чется поправить на себе одежду.

Зуева имеет тяжелый характер, персонал ее не любит, и я начинаю понимать почему, но пока это мне видится просто как деловая хватка. Она спуска никому не дает.

– Кажется, ты везучая, Коршунова. Думаю, у меня есть что тебе предложить...

– Я – Журавлева, – поправляю на автомате, но женщина и бровью не ведет. Запоминать подчиненных она, видимо, не любит. Или же это мне так повезло. Когда, скажем, запом- нилось, что фамилия у меня ассоциируется с птицей, только непонятно, с какой.

– Да какая разница. Мне по большому счету фиолетово, Журавлева ты или Коршунова. Главное – это чтобы клиенты всегда были довольны нашими услугами. Значит так. Часы дополнительной работы появились. На закрытом вип-этаже

работать придется. Но там – уровень класс, все нужно делать на совесть. Иначе начальство три шкуры спустит.

Чудом удерживаюсь, чтобы не закатить глаза от всего этого пафоса. Будто меня в секретари к президенту хотят от править, а не полы драить.

– И вот думаю, отдавать мне тебе эту возможность... или придержать и продолжать поиск нужной кандидатуры...

Улыбается многозначительно и скользит взглядом по моему скромному платью.

И опять вызывает страшное желание передернуть плечами, чтобы отделаться от этого липкого взгляда.

– Я очень старательная, Вероника Кирилловна, работаю на совесть вне зависимости от всего. Буду стараться оправдать ваше доверие, если выберете меня.

Складываю руки на груди. Я прошу всего лишь о месте уборщицы. Как бы это громко ни называлось – сотрудница клининговой службы, но по факту убирать приходится много, полы драить и по большому счету нет разницы между богатыми и очень богатыми завсегдатаями этого злачного места.

«Элит» – это огромный многоэтажный комплекс с разными зонами отдыха. Почему сие строение называется ресторан – не знаю.

Женщина щурится и опускает глаза, просматривает свои документы. Молчит, словно прикидывает для себя что-то.

– Ты уверенна, что готова для VIP-обслуживания?

Опять задает вопрос и что-то царапает слух, словно есть в этом предложении еще что-то тайное, но я списываю это на высокий уровень заведения, в которое мне удалось устроиться на работу пару месяцев назад. Все здесь от мраморного холла ресторана до люксовых переговорных, предназначенных для бизнес-встреч, украшенных дорогой мебелью, говорит о лоске и богатстве.

Здесь проходят закрытые вечеринки, для которых бронируют ВИП-этаж. Там вроде даже особые клиенты имеют свои личные лоунджи, в которых могут отдохнуть.

Особого дела до всего этого мне нет. Здесь водятся состоятельные люди, но я с ними не встречаюсь. Убираю помещения, когда они пустуют.

– Так ты уверена, Коршунова?

Опять задает вопрос, и я киваю. Уже не поправляю, что я Журавлева. Бесполезно.

Почему-то кажется, что как минимум сейчас прохожу фейс-контроль.

Задумчивое молчание длится еще пару секунд, пока Зуева медленно перекладывает бумаги из одной стопки в другую.

– Завтра нас посетит важный гость. Клиент привередливый и нам повезло, что для своего отдыха он выбрал наш ВИП.

Голос менеджера наполняется нотками восхищения и даже тембр меняется на подбострастный. С обычными сотрудниками она общается свысока, а тут растекается патокой

при одном упоминании гостя.

– Придешь в ВИП ровно в двенадцать ночи и сделаешь все, чтобы Шахов Аслан Шамилевич остался довольным. Чтобы все по высшему разряду...

– Я всегда с ответственностью подхожу к исполнению своих обязанностей.

Вероника Кирилловна поднимается из своего кресла, демонстрируя ярко-лиловый брючный костюм, который в облику сидит на излишне костлявой фигуре женщины.

В несколько шагов она подходит ко мне и вглядывается в мои глаза.

Поднимает руку, и я замечаю на ее запястье золотой тяжелый браслет, усыпанный камнями. Она неожиданно хватается за выбившуюся из пучка прядку и рассматривает мои волосы, скользит взглядом по моему лицу.

– Хорошо. Я пойду на уступку и сделаю тебе королевское одолжение. Будешь работать в лоундже Шахова. К его прибытию все должно быть готово. В работе с ВИПами за малейший недочет у нас отвечают головой. Выкину на улицу без рекомендаций, если хоть что-то не понравится нашему дорогому во всех смыслах гостю.

– Я все сделаю.

– Конечно. Сделаешь.

Делает короткую паузу и, наконец, отпускает мой локон, а затем оглушает именем, которое на слуху у всего города:

– Шах не тот человек, которого стоит разочаровывать...

– Шах?

Переспрашиваю. Что-то царапает. Даже я слышала прозвище одного из самых влиятельных людей, но Зуева морщится и поправляет меня.

– Шахов. Аслан Шамилевич, Журавлева. У тебя еще и со слухом проблемы?!

– Со слухом проблем нет.

Отвечаю, поджав губы. Не переносу я менеджера в больших количествах. Слишком токсичная она женщина. Злая.

– Ну вот и хорошо, Журавлева. Сегодня выйдешь на подмену в ночную смену, но так получается, что ты у меня сутки работать будешь. Ты уверена, что потянешь?

Упрямо киваю.

– Потяну.

Опять острый взгляд и женщина прикладывает наманикюренные пальчики к подбородку, постукивает, обдумывает, потом машет рукой.

– Другую замену я все равно не найду...

Проговаривает в сердцах и, резко развернувшись, возвращается за свой стол, давая понять, что я могу быть свободна.

Только вот у меня остался еще один нерешенный вопрос.

– Вероника Кирилловна, я бы попросила аванс сейчас. У меня обстоятельства очень серьезные...

Мое робкое пожелание вызывает едкую ухмылку на алых губах.

– Нет, дорогая, мы так не работаем. Сначала ты покажешь,

что достойна своей... ммм... должности, а уже потом обговорим и момент авансов, ну и чаевых, разумеется. У нас все ранжировано строгими рамками. В том числе и вопрос финансов. Но об этом всем мы поговорим после. Считай, что сегодня вечером самый главный экзамен и проверка на профпригодность. После этого обсудим вопрос дальнейшего сотрудничества.

Едва не закатываю глаза от пафосности слов. Ага, тряпкой помахать и вытереть пыль, проследить, чтобы на столе были ручки и бумага для деловой встречи этого Шахова.

Велика обязанность. А пиетета перед этим типом столько, что мне почему-то кажется, что Зуева сама его встречать будет с красной ковровой дорожкой и лично провожать на этаж...

Выхожу из кабинета менеджера. Иду в сторону раздевалок. На сегодня смена окончена, хочу пойти домой, отдохнуть немного, чтобы уже ночью приступить ко второй смене. Сколько я протяну такими темпами, я не знаю, но деньги нужны.

Папа попал в больницу: на стройке, на которой он работал, случился несчастный случай, ему придавило ногу, перелом оказался тяжелым и потребовались несколько операций, и последующая реабилитация, на которую у мамы – завуча сельской школы, денег нет.

А страховка, как оказалось, ничего не покрывает. Как нам сказал сотрудник фирмы – мы бы покрыли расходы, если бы

случай был летальным, а так...

То есть надо было умереть, чтобы хоть что-то оплатили. Больная логика, но по закону фирма-застройщик отцу на лечение ничего не дала, а с должности прораба его сократили.

Нашли лазейки и ничего не доказать. Лечение стоит денег. Теперь я вынуждена взять дополнительную смену, чтобы помочь родителям. Они сделали для меня многое, благодаря им я и приехала в столицу, поступила в педагогический на заочно и надеюсь, что в скором времени смогу встать на ноги.

Для этого нужно лишь чуточку потерпеть и повкалывать.

Ведомая своими мыслями, не сразу замечаю в коридоре сторбленную фигуру своей коллеги, сначала думаю, что она вытирает пыль в углах, но затем замечаю неестественность и напряжение во всей фигуре женщины.

– Ясмин, с вами все в порядке?

Быстро подхожу и ловлю женщину за локоть, когда она поднимает глаза, понимаю, что нет. Не в порядке.

– Вам плохо?

Опять задаю вопрос и смотрю, как она прижимает обе ладони к животу.

– Сильно прихватило, а мне еще доубирать кабинки нужно.

– Вы не сможете в таком состоянии.

– Если стерва получит жалобу, меня уволят.

Выдыхает со свистом и тянет руку к тряпке.

– С ума сошли? Идите домой, вызовите врача, а вдруг у вас аппендицит воспалился?!

Заглядываю в узковатые глаза женщины. Мы с ней не так чтобы успели хорошо познакомиться, но я уже слышала, что у Ясмин трое детей и безработный муж. На хлеб в дом зарабатывает она.

Женщина вытирает взмокший лоб, смуглые пальцы убирают со лба черную прядь.

– Я не могу оставить...

Повторяет обреченно как-то.

– Зуева уже предупреждала, что малейшая провинность и меня вышвырнут. А она не знает пощады. Сегодня вообще с утра устроила всем разнос. Злая была до чертиков. Говорят, у нее какие-то проблемы с ВИП-гостем произошли. Ему не понравилось обслуживание. Странные эти богачи. Что могло не понравиться?! Пыль в углу искал белой перчаткой?!

– А что случилось-то? Я, видимо, как всегда ничего не знаю.

Машет рукой и чуть выпрямляется.

– Да кто нам скажет-то? К этим ВИПам убираться пускают только избранных. Я, похоже, лицом не удалась, не дай бог на этаже увидят, оскорблю их своим видом, что ли. Говорят, накосячили там. Девочки болтали, что с самого утра по всему этажу ор стоял, Зуева бесилась, а потом всех поувольняла. Кого по делу, а кто, видать, просто под руку попался.

– Я все-таки не понимаю, – проговариваю отчего-то ше-

потом, копируя интонацию собеседницы.

– Не наша же смена. Там на ВИП-этаж тряпкой махать не всех пускают ведь. Но мне Сонька рассказала, она сблизилась с Егором. Знаешь его?

Отрицательно мотаю головой.

– Ну он охранник на проходной, так вот, он ей шепнул, что рано утром скорая подъезжала, кого-то увозили. Зуева все замяла.

История странная, конечно, но я слушаю ее, скорее, как сплетню. Видимо, между мажорами произошла стычка. Здесь такое уже пару раз бывало. Чего-то не поделила звездная молодежь и дала волю кулакам. За время работы в «Элите» я уже поняла, что лучше всего делать свою работу, голову особо не поднимать если вдруг, по сторонам не смотреть. У богатых много тайн и их лучше не слышать и не знать ничего.

Мы, рабочий персонал, что-то наподобие прислуги. Нас не замечают, не видят в упор, и я слышала от девочек, которые так же работали в богатых домах, что их хозяева часто обсуждали разные темы, иногда даже конфиденциальные, не замечая убирающую пыль в углу кабинета сотрудницу клининга. Это я к тому, что нас за людей-то не считают. Стоит надеть безликую серую форму и все.

Ясмина поправляет дрожащей рукой свой пучок на затылке, смуглая кожа отдает нездоровым блеском. Заглядывает мне в глаза с беспокойством.

– Я это все тебе по секрету рассказала, только ты, Полина, никому, слышишь? Замяла Зуева это дело. Никто толком ничего не знает. Пригрозила, что если кто проболтается, проблемы будут... ох... больно-то как. При каждом вдохе резь... Как мне работу доделать...

Странная история приключилась сегодня. На доли секунды проскальзывает мысль, что именно из-за этого происшествия Зуева решила взять меня на ВИП.

Кто-то ведь не смог выйти...

А что если меня взяли вместо той работницы, которую и увезли на скорой?

Неприятная догадка царапает. Появляется ощущение, что грозовые тучи собираются. Холодок идет вдоль спины. Закрадывается под кожу предчувствием...

Глава 3

– Я никому ничего не расскажу, Ясмин, будьте уверены, – проговариваю уверенно, глядя в светло-карие глаза женщины. Я никогда не задумывалась, сколько ей лет. Ее лицо очень смуглое, кожа будто обветренная, сейчас отдает нездоровой бледностью.

– Я знаю, что ты тихая, Полина. Поэтому и рассказала. Обычно у нас девчонки бойкие, только начнут работать и все уже про всех знают. Про хахалей своих рассказывают. То один не удался, то второй, а ты ни разу ничего о себе не рассказала.

– Было бы что рассказывать, – пожимаю плечами и слегка улыбаюсь.

Ясмин улыбается в ответ.

– Вот и я о том, – делает шаг и выдыхает, – ох...

Тянется за тряпкой. Перехватываю руку женщины.

– Пойдите. Что осталось отработать?

Выдыхаю с шумом, уже зная, что вряд ли сегодня попаду в свою съёмную каморку.

– Третий лоундж, – отвечает женщина и сжимает зубы, похоже, боль усиливается.

– Я помогу, идите домой, а я приберусь.

Ясмину на мгновение растягивает губы в измученную улыбку.

– Добрая ты душа, Полина. Пусть всевышний услышит все твои мольбы, чтобы дороги твои были удачными, и отсыплет счастья с лихвой. Мужчину тебе пошлет, который твою красоту и душу оценит.

Улыбаюсь женщине и помогаю ей выпрямиться.

– Спасибо, Ясмин, удача мне понадобится.

Женщина выслушивает мой ответ и заглядывает мне в глаза доверительно как-то, понизив голос, сообщает:

– Я за сегодняшнюю смену деньги получу, тебе треть отдам. Ты меня сейчас от увольнения спасаешь.

Зуева скоро на расправу – это я уже усвоила и персонал «Элита» меняется со скоростью молнии, но взять чужое я не могу, поэтому отбираю тряпку у Ясмин и киваю, улыбнувшись:

– Вы детям лучше своим сладость лишнюю купите, мне ничего не нужно.

– Добрая душа...

Ясмин еще раз мотает головой и оставляет мне свой инвентарь, а я принимаюсь драить туалеты.

Вспоминаю добрые слова женщины, пока чищу фарфоровый унитаз, и фыркаю под нос:

– Ну где же ты, мужчина, способный оценить мою красоту, вот прямо сейчас явись и узри меня.

Выдаю пафосно и сама смеюсь своей шутке. Юмор у меня работает даже в самой тяжелой ситуации. Мама научила. Улыбаться несмотря ни на что и пусть в душе слезы – на пуб-

лике должна быть улыбка.

Когда заканчиваю с работой Ясмин, понимаю, что сил на то, чтобы вернуться домой, просто нет. Ухожу в комнату для персонала. Принимаю душ, чтобы смыть с себя усталость, открываю шкафчик, чтобы взять сменную форму, и с силой ударяю по железной двери.

– Черт! Проклятье!

Рассматриваю хлопковое нижнее белье, аккуратно сложенное на полке, а вот сменного рабочего платья в ящике нет.

– Как я могла забыть?!

Взмахиваю резко головой и мокрые прядки неприятно облепляют лицо. Сменную форму я забрала домой, чтобы постирать, и забыла принести. Совсем из головы вылетело. Кошусь на скомканную одежду, валяющуюся на скамейке, поднимаю грязное платье и морщусь. Он все в складках, а подобное не допустимо по уставу «Элита».

Здесь педантичная чистота во всем. Вздыхаю и сажусь на скамейку. Не знаю, что делать. Как быть. На глазах отчего-то наворачиваются слезы.

Иногда накатывает. Хочется пожалеть себя. И добрые слова Ясмин разбередили рану. Сложно приходится жить в городе. Особенно теперь, когда папа попал в столь сложную ситуацию, и я понимаю, что сейчас они целиком и полностью зависят от меня...

– Журавлева. Ты чего не дома, что расселась?!

Вздрагиваю и оборачиваюсь. Хлопнув дверью, в раздевалку входит Лида. Бойкая, звонкая миниатюрная девушка моих лет, с которой мы довольно хорошо общаемся.

– Я сменку дома забыла.

Девушка хмурит светлые брови.

– Зачем тебе сменка? Дуй домой, постираешь. В чем проблема-то?!

– Я у Зуевой напросилась на дополнительные часы работы.

– В ночь выйдешь, что ли? Это к ВИПам?! Ведьма позволила?!

Приподнимает светлые брови в удивлении, а я лишь киваю.

– Ну ты и робот. Ладно бы там еще вариант был мужчину встретить, но они появляются только тогда, когда мы заканчиваем своей тряпкой махать. Эх... жизнь несправедлива...

Мало обращаю внимание на лепет Лидки. Я уже успела понять, что девчонка она излишне говорливая. Посплетничать любит, а про этаж ВИПов у нас только сплетни и ходят. Из нашей смены там еще никто не работал...

– А вот я после работы вообще никакая, ноги гудят. Единственное, что хочется – это валяться и в телевизор часами пялиться. А потом полчасика так проходит и меня отпускает. Не время разлеживаться. Эту жизнь за хвост ловить нужно и устраиваться.

Девушка, не прерывая монолога, идет к своему шкафчи-

ку.

– А я вот вечером в клуб иду. Меня Костик позвал. Будем отжигать. Ты бы хоть мужика завела себе, что ли, а то, смотрю, ночуешь уже тут... Вот. Лови.

Резко разворачивается и бросает в мою сторону платье, которое я ловлю на автомате. Удивленно смотрю в лицо своей коллеге.

– Мою форму наденешь. Твоя непригодна.

Косится на мое измятое платье.

– Ведьма за одну-единственную складку на юбке персонала убить готова, а твою форму словно корова изжевала. Мое наденешь. Только постираешь, погладишь и вернешь.

Сжимаю одежду в руках.

– Спасибо, Лид, сильно выручаешь.

Машет рукой.

– Сочтемся.

Пока я надеваю сменное белье, Лида времени не теряет, быстро переодевается, наносит макияж и надевает ультракороткое мини.

– Ну как я тебе?! Шикардос, правда?

Задаёт вопрос, сильно хлопнув железной дверью своего шкафчика. Окидываю беглым взглядом симпатичную блондинку в яркой-сиреневой курточке из кождама, на шпильках и в платье в облипку.

– Тебе холодно не будет?

Задаю наитупейший вопрос.

– Да нет. Костик на тачке.

Не успеваю ответить, как мобильник девушки звонит и она расплывается в улыбке, отвечая:

– Да, Котик, уже иду...

Прячет телефон в маленькую сумочку и, подмигнув мне, бросает через плечо:

– Ну, бывай, Полинка!

Цокая высоченными каблуками, оставляет меня одну в раздевалке, а я опускаю взгляд на серое платье с бейджем на груди с именем *“Лиди”*...

Не моим именем...

Глава 4

Рассматриваю материю изнутри и понимаю, что этот бейдж не прикреплен, а Лида его просто вшила в платье, чтобы, видимо, не потерять.

– Ну что же, думаю, особых проблем не будет, если на один вечер я побуду “Лидой”, – выдаю со смешком. Все равно моя форма непригодна. Поэтому недолго думая я надеваю платье подруги.

И тут меня настигает очередная неудача.

Лида миниатюрная, чуть ниже меня ростом и грудь у нее меньше, бедра уже. Ее форма облепляет мое тело наподобие перчатки, явно маломерит в груди и чрезмерно обтягивает попу.

– Черт!

С грохотом закрываю дверь шкафчика и смотрю на себя в зеркало напротив.

– Ну что же, звезда стриптиза прям! – выдыхаю с шумом, а ладошками пытаюсь приспустить подол, который немного задирается, и это происходит даже пока я просто стою, а что же будет, когда сделаю пару шагов?!

Для проверки предположения прохожусь из стороны в сторону, подтверждая свою догадку на практике. Форма задирается так, что я практически рискую обнародовать свое скромное белье!

Машу в сердцах рукой и опять смотрю на свое измятое грязное платье. Не хочу его надевать. Нагоняй за неопрятный вид получать не хочется. Да и мне в наряде "Лиды" буквально только по коридору пройти. Уж работать-то я буду одна!

В ночную смену меня никто особо не увидит. Быстро прошмыгну в лоундж, сделаю свое дело и утром у меня уже будет моя форма, выстиранная и выглаженная.

Убеждаю свое отражение, а сама трогаю пуговицы на груди, которые подчеркивают все, что можно, и рискуют быть вырванными с корнем.

– Надеюсь, выдержит натиск, – улыбаюсь, пальчиком прикасаясь к бейджу – “Лида”...

Убираю свои вещи обратно в шкаф, провожу расческой по влажным волосам и затягиваю локоны в тугий пучок на затылке.

Обычно на работе я стараюсь не мочить волосы, но сегодня усталость взяла свое и я решила взбодриться, а в отсутствие фена волосы в жгуте приобретут приятную волнистость. Лайфхак родом из моего детства. Мама часто так заворачивала мои тяжелые пряди и наутро у меня были почти кудряшки, а я стояла перед зеркалом и любовалась длинными спиральками.

Воспоминания о доме разливаются приятным теплом в сердце. У меня всегда были красивые темные волосы, блестящие на солнце, но в последнее время излишне длинные

пряди мешают в работе, и я уже всерьез подумываю о короткой стрижке.

Хотя где-то в душе жалко стричь такую красоту.

Когда только приехала в город, меня пару раз обозвали деревенщиной с крестьянской косой. Пропустила мимо ушей. Я тогда была окрылена поступлением в вуз и особо не воспринимала колкости городских девчонок.

– *Верь в себя, дочка. Ты у меня самая красивая...*

– *Да ладно, мама, ты посмотри, у меня волосы черные – воронье гнездо просто, нос конопатый, а глаза блеклые, совсем невзрачные...*

– *Глупышка, глаза у тебя васильковые. Ты еще расцветешь, Полечка. Вот увидишь.*

Голос матери из воспоминаний заставляет улыбнуться, я выхожу из душевой и направляюсь в крошечную комнатку для персонала, которая представляет собой нечто среднее между кладовкой, кухней и гостиной.

Время у меня еще есть до смены, так что включаю чайник и завариваю себе чай из пакетика. Сажусь за стол, втиснутый в самый угол, и периодически перебрасываюсь парочкой слов с другими сотрудниками, которые то и дело появляются кто попить воды, а кто забрать оставленные вещи.

Пью чай и поглядываю в окно. Город при сгущающихся сумерках смотрится просто ошеломительно. Даже спустя столько времени мне кажется, что я так до конца и не могу привыкнуть к бешеному темпу мегаполиса, к вечно спеша-

щим прохожим и снующим туда-сюда автомобилям.

Вдали розовеют облака, переливаются бликами, а город уже мерцает бесчисленным числом огней...

– Столица, не верящая слезам, – почему-то шепчу, улыбнувшись.

И это действительно так. В домах зажигаются огни и в каждом окне история жизни и человеческой судьбы – правда, наверное, сложившийся, так как в этой части города цены на квартиры баснословные, так что тот, кто способен купить здесь жилье, явно добился чего-то в жизни...

Раздумываю о своем, пока часы отсчитывают оставшееся время. Ловлю себя на том, что опять вспоминаю слова Ясмин про странное происшествие.

Кого могли увезти на скорой? Без понятия. Те, кто работают в дневную смену, не пересекаются с бригадой из ночной. Не знаю уж почему, но в "Элите" свои законы и требования, практически армейская дисциплина, но я особо не заморачиваюсь. Платят исправно и хорошо. Мне бы получить деньги авансом и домой переслать. Папе нужна операция, а брать в долг уже не у кого...

– Полинка, пока!

Неприятные думы нарушает последняя из запозднившихся сотрудниц дневной смены. Седа машет мне рукой напоследок, улыбаюсь в ответ.

Остаюсь одна. Чашка с чаем незаметно пустеет, а я облокачиваюсь о стол, опираюсь подбородком о ладонь. Кажется,

что прикрываю глаза буквально на секундочку, передохнуть, но не замечаю, как совершаю ошибку и проваливаюсь в сон.

Рука падает на стол, и я внезапно подрываюсь на месте, вскакиваю, ищу мобильник.

– Черт, черт, черт!

Задеваю ногой стул, он грохается на пол, поднимаю. В служебной темно, хоть глаз выколи, верчусь как юла и, наконец, нахожу телефон, ужасаюсь, так как часы показывают двенадцать ноль пять.

– Опоздала!

Выбегаю из служебной комнаты и лечу к лифтам, жму вызов, везет и створки сразу же распахиваются и я выбираю нужный этаж. В принципе, бояться особо нечего, но вход в лоундж по пропускам и если Зуева захочет, она может оштрафовать меня за опоздание, если будет проверять, конечно, когда именно по времени я приступила к исполнению своих обязанностей.

Слишком много “если”...

– Все будет хорошо, – убеждаю себя и опять тыкаю по кнопке, кажется, что лифт тормозит, или у меня нервы сдают. Наконец, створки распахиваются, цепляю тележку со всем необходимым инвентарем.

Быстро прохожу по безлюдному коридору. Свет здесь приглушен, в огромном вестибюле играет цветомузыка, а одна стена полностью прозрачная и демонстрирует вид на город. Я бы постояла и повосхищалась пейзажем, но времени

нет.

Часы работы персонала ранжированы так, что мы не должны пересечься с гостями. Нужный VIP-лоундж находится в самом центре коридора.

Черная дверь покрыта стильным стеклом в линиях и ромбообразных узорах, она светится изнутри. То ли там сложная система, то ли это отблеск особого свечения на потолке. Было бы время, непременно изучила бы. Но его нет.

Почти бегу к нужному лоунджу и прикладываю ключ-карту, вхожу, на мгновение замираю. Сердце выскакивает из груди, пучок растрепался, и непокорные влажноватые прядки выпали, облепили лицо.

О том, в каком именно состоянии мое короткое платье, я стараюсь не думать. Просто одергиваю подол и немного расслабляюсь. Ключ-карта активировала дверь, я внутри и могу приступить к работе.

Резко разворачиваюсь, чтобы вставить прямоугольник в специальную нишу для активации внутреннего освещения, но замираю.

Полная темнота позволяет заметить в огромном окне во всю стену нереально большую полную луну, которая ласкает своим серебристым светом скульптуры котов, что стоят по углам.

Желтая красавица кажется, что зависла прямо передо мной, даже приглядываться не нужно, чтобы заметить кратеры, которые мне напоминают лицо. Словно кто-то в удив-

лении подглядывает.

Я позволяю себе полюбоваться видами лишь мгновения и уже в следующую секунду поворачиваюсь, активирую свет в помещении, который оказывается неожиданно не ярким, а приглушенным, расслабляющим.

Прохожу дальше в лоундж, предназначенный Шахову, от окружающей роскоши у меня голова идет кругом.

На потолке люстра из хрусталя, по углам позолоченные трюмо... скульптуры все тех же котов оказываются вообще золотыми с глазами-изумрудами.

– Живут же люди...

Это еще только один лоундж, в котором остановится VIP-гость, а как же выглядит жилище человека, который во всем выбирает самое дорогое и лучшее, а то, что это лучшие апартаменты «Элита», я почему-то не сомневаюсь.

Я ошалело рассматриваю интерьер, подмечаю шелковый диван. Полосатый. Черные полосы чередуются с золотыми.

Опять-таки мне кажется, что здесь все выполнено из огромного куска золота, который расплавили и использовали в интерьере, оформив в дорогой металл все, что только можно.

– Действительно шахские покои...

Интересная фамилия у мужчины. Звучная. Королевская, что ли, и этот лоундж по-королевски роскошен. Я бы сказала, излишне кричащий о богатстве и могуществе человека, способного потянуть оплату...

Лоундж Шахова огромен. Помещение разбито на несколько зон, есть пара дверей, ведущих в смежные комнаты. Наконец, приступаю к работе.

Ударом ступни активирую нужную кнопчку пылесоса, пока машина шумит, напеваю незатейливую песенку, прикидывая в уме, что ночная смена куда легче дневной. По большому счету мне здесь и убирать особо нечего, все блестит чистотой, начиная с белоснежной уборной с золотыми вставками в виде кранов и ручек биде.

Я ожидала увидеть здесь золотой унитаз, чего уж мелочиться, раз статуи золотых котов не поленились поставить, но, видимо, дизайнеры все же решили окончательно не сходить с ума и обошлись обычным фарфоровым другом. Сияющим чистотой.

Проверяю наличие разных тюбиков в ванной. Что-то незримо царапает сознание, будто звоночек подтренькивает, не так тут что-то.

Я никогда не была на этаже ВИПов, не знаю, как и что должно быть, но внутренний голос подсказывает, что такая обескураживающая расточительность руководства неоправданна.

Здесь все дорогое, элитное, уникальное.

Отличное от всего, что видела прежде даже на нижних этажах «Элита».

Гоню неприятные мысли прочь и продолжаю работать. Опять врубаю пылесос. Контраст мира бедных и богатых

слишком очевиден в стенах «Элита».

Я тут вкалываю с утра до ночи в две смены, пытаюсь наскрести на операцию родному человеку, а для кого-то эти деньги всего лишь средний чек в заведении этого уровня.

Несправедливость остро чувствуется, когда ты в нужде, и я сжимаю зубы, гоню неприятные мысли прочь. Уже утром я выбью аванс у Зуевой и смогу помочь семье.

Только вот я слишком расслабляюсь, потому что в следующую секунду подпрыгиваю, когда ощущаю крепкую огненную ладонь на своем локте.

Вскрикиваю, разворачиваюсь и делаю шаг в сторону, чуть не падаю, и если бы не хватка незнакомца, пришлось бы грохнуться, запнувшись о пылесос.

Застываю, встретившись взглядом с ореховыми омутами. Карие глаза напротив с длиннющими черными ресницами впиваются в меня.

Широкие резкие смоляные брови сходятся на переносице. Мужчина, который продолжает держать меня за локоть, невероятно красив и в его лице проскальзывает нечто смутно знакомое, будто я его знаю.

Не в жизни, нет. С такими экземплярами если и пересечешься, то запомнишь на всю жизнь, а словно я уже видела его лицо по телевизору или в журнале.

Я буквально теряю дар речи. Язык прирастает к небу и мне бы отдалиться, извиниться, сделать хоть что-нибудь, но меня буквально парализует.

Я просто во все глаза смотрю на мощного мужчину, смуглого, явно кавказских кровей, с невероятным хищным разрезом миндалевидных глаз.

– Оригинально...

Проговаривает, чуть растягивая пухлые губы в легком подобии улыбки, улавливаю акцент слабый, но все же он есть и слышен в излишне грубой и рычащей букве “р”.

– Смотрю, ты подходишь к делу крайне обстоятельно.

Не понимаю, о чем говорит мужчина, он чуть наклоняется, а я жмурюсь, только меня не трогают, шум стихает, отрываю глаза, поняв, что незнакомец выключил пылесос.

Мотаю головой и проговариваю запоздало:

– Простите, вы рано, но я уже закончила.

Киваю утвердительно и все же не могу оторвать глаз от лица Шахова Аслана Шамилевича. То, что передо мной ВИП-гость и хозяин лоунджа, я не сомневаюсь ни секунды.

Я не ожидала, что столкнусь с этим мужчиной нос к носу, и не могу заставить себя остановиться. Рассматриваю красивые черты, заросшие небольшой щетиной впалые щеки, немного искривленный нос и порочные губы.

Опасность!

Кричит подсознание. Я понимаю, что совершила ошибку, попавшись на глаза Шахову. От такого мужчины лучше держаться как можно дальше. Целее будешь, что называется.

И смотрит он так плотно, рассматривает мое лицо, совершенно не смущаясь, не держась элементарных рамок

приличия. Нагло. Оценивающе. Как человек, который привык платить и покупать. И я внезапно очень ярко ощущаю, что платье мне маломерит. Оно буквально впивается в кожу, или же это из-за карих глаз, которые так внимательно изучают меня.

Шахов давит одним взглядом, находиться рядом с ним миг становится невыносимо тяжело. Он смотрит так, будто я абсолютно голая...

Глава 5

Пока мужчина фокусирует взгляд на моем лице, я вдруг понимаю, в каком именно виде предстала перед олигархом. Платье с чужого плеча слишком узкое, влажные прядки выбились из пучка и прилипли к лицу. Рядом с одетым с иголочки бизнесменом я чувствую себя совсем неудобно.

Пауза длится и глаза мужчины скользят вдоль моего тела, рассматривают ноги, которые неприлично оголились из-за задравшегося платья, я машинально поправляю подол свободной рукой.

Шахов, подмечая мой порыв, усмехается как-то игриво, уголок губ кривится, добавляя интересную мимическую морщинку у края.

– Красивая форма.

– С-спасибо, – отвечаю слегка заикаясь.

Сердце бухает по-сумасшедшему, всплеск адреналина заставляет натянуться подобно струне. Напряжение не проходит, наоборот, усиливается, стоит мужчине прищурить свои раскосые восточные глаза.

Шахов явно кавказец. Причем очень импозантный. Яркий. Глаза карие, насыщенные, брови ровные, взлет, веки широкие. Немного выющиеся угольно-черные волосы уложены в модельную стрижку.

Небольшая щетина выглядит невероятно брутально. И

взгляд какой-то маслянистый, густой, гипнотизирующий, как у опасной твари. Он царапает иглами, когда ласкающе проходится по овалу моего лица, останавливаясь на губах, не подкрашенных помадой.

Опять устремляет взгляд вниз и произносит чуть коверкая слова, растягивая гласные:

– Тебе идет...

Произносит нагло как-то, уверенно, обескураживает.

Смотрю на Шахова с опаской, наконец, прихожу в себя и пытаюсь аккуратно выпутать локоть из захвата огненных, буквально пылающих пальцев.

Его прикосновение жжет кожу. Как на контрасте. Я в шоке, что мужчина не отпускает, более того, я еще в большем ступоре от того, что он со мной заговорил. Обычно я невидимка. Редко кто из клиентов «Элита» даже здоровается с персоналом.

Нас обычно не замечают, или делают вид, что не видят. Я к этому привыкла, уже считаю нормой поведения, а Шахов обескураживает тем, что не гнушается пообщаться с прислугой...

– Господин Шахов...

Опять на лице появляется странный оскал.

– Аслан.

Мои глаза наверняка становятся размером с блюдца. Его поведение настораживает.

– Можешь звать по имени.

Вообще-то не могу. Но взгляд мужчины настолько острый и весь он пугает не на шутку. У меня язык не повернется обратиться к самому Шахову по имени. Одного взгляда на мощного мужчину хватает, чтобы понять, насколько он опасен.

– Мне осталось буквально собрать инвентарь, простите, я немного припозднилась...

– О как... Припозднилась...

Очерченная бровь изгибается. От гостя веет иронией. Я чем-то очень сильно забавляю мужчину. Наверное, он думает, что я специально вырядилась в ультракороткое и задержалась, чтобы иметь возможность с ним познакомиться?!

Цепляюсь за эту мысль и настрой Шахова становится понятным.

Отворачивается от меня, проходит вглубь лоунджа. Явно бывал здесь не раз, так как точно знает что где находится. Это чувствуется в том, как двигается, как уверенным шагом направляется в самый угол комнаты и останавливается у деревянного столика, а я как заколдованная наблюдаю за незнакомцем.

Высокий, мощный, широкоплечий. Рядом с ним я слишком миниатюрная, при том, что вполне себе среднего роста. Он заполняет собой все пространство. Человек обладает властью и знает об этом.

Черные перчатки небрежно падают на столик, затем наблюдаю, как мужчина стягивает с могучих плеч драповое

пальто, явно дорогое. На нем ни пылинки, словно он не с улицы пришел, а вышел напрямиком с разворота глянцевого журнала.

Шах ведет себя как хозяин. Ощущение такое, что ему не просто этот номер принадлежит, а весь отель целиком, как минимум, а может, и город...

Шахов... Шах...

Так назвала его Зуева. И действительно мужчина передо мной как из восточной сказки, настоящий падишах. Чувствуется в нем внутренняя сила, харизма.

Никогда не встречала подобных людей, даже в стенах «Элита». Аслан отличается, он не похож ни на кого из тех напыщенных богатеев, которых видела, или же их мажористых сынков, позволяющих себе вольности.

Пару раз слышала сплетни, что до того, как я устроилась в «Элит», девочкам из смены делались определенные предложения, причем в довольно фривольной форме, но некоторым казалось, что может что-то получиться у богатого мажора и простой девушки.

Та же Ясмин говорила, что потом они ничего не рассказывали об этих свиданиях, а спустя несколько дней их и вовсе увольняли. В «Элите» строжайшие правила и подбор персонала. Зуеву невзлюбили и за то, что у нее все на контроле.

Почему я именно сейчас вспоминаю эти старые слухи?

Может, потому что на доли секунды кажется, что способна заинтересовать мужчину уровня Шаха?!

Глупость полнейшая. Такие выбирают из равных. Наверное...

Пока я ухожу в свои мысли, мужчина остается в темно-синем пиджаке, идеально пошитом. Но и он не задерживается на плечах Шаха. Небрежным жестом отправляется в сторону пальто.

Аслан...

Повторяю про себя имя мужчины. Интересно, что это имя означает.

Странное дело, Шах пугает и вместе с тем я от него глаз оторвать не могу. Все рассматриваю черную сорочку, которая обтягивает литые мышцы, как вторая кожа. Брутальный кавказец.

Этот мужчина явно представитель другого мира, мира богатства и достатка, и я вдруг кажусь себе невообразимо жалкой в своем куцем платье уборщицы.

Хотя не в размере платья дело, будь я сейчас в своем грязном и мятом, вряд ли чувствовала бы себя лучше.

Делаю тяжелый вдох. Платье в районе груди чересчур натягивает ткань, и я вспоминаю об этом именно сейчас, в эту самую секунду неудачного вдоха, так как Шахов резко поворачивается на каблуках своих глянцевого дорогуших кожаных туфель.

Наконец, поворачивается ко мне всем корпусом и окидывает весь мой наряд коротким острым взглядом.

Вдруг кажется, что я привлекла внимание хищника, но я

одергиваю себя от этих мыслей. Это только в кино миллиардер может влюбиться без памяти в прислугу. На деле чем выше человек по своему статусу, тем меньше он замечает тех, кто ему прислуживает.

Смени я сейчас форму на джинсы с джемпером и распусти волосы – Аслан меня в жизни не вспомнит и не узнает.

В жизни все тривиальнее. Я всего лишь обслуга, незаметная девчонка в сером платье, коих тут шурует великое множество.

Несправедливость жизни ударила меня впервые, когда я оказалась вдали от дома с одним чемоданом в руках и надеждой покорить столицу.

И я ее продолжаю покорять. Это сложно, требует стойкости.

Пока работаю в этом дорогом месте, поняла, что униформа способна придать человеку как статус – это, скажем, как прокурорская форма. Надень ее и все вокруг начинают относиться с почтением, может, со страхом, если есть что скрывать.

А моя серая форма превращает человека в невидимку. Поначалу было странно с этим свыкнуться. Когда тебя берут на работу и предупреждают, что если вдруг повстречаешься с кем-то из посетителей, обязан здороваться и неважно, что тебе же в ответ ничего не скажут, пройдут мимо, словно ты стена.

Вот такие вот правила. Обслугу не воспринимают, не за-

мечают. Это если мы исправно работаем и делаем все правильно, когда все чисто и убрано, невозможно придраться, а значит, нас можно спокойно не заметить.

Только вот если что-то идет не так и случается малейшая провинность, Зуева включает страшную стерву, устраивает разнос, а иногда и увольняет без слов. Просто за то, что бармен уронил коктейль, тот разбился и капелька попала на дизайнерскую кофточку гостыи.

Даже в обычной пиццерии, когда мы сидели с девчонками с моего курса, я видела пренеприятный случай.

Официантка запнулась и обронила поднос, он не упал мимо столика, к которому она его несла, а лишь грохнулся с шумом. Просто поднос был, видимо, тяжелый, или же сумочка клиентки была выставлена неудачно. Суть в том, что та девчонка моего возраста получила нагоняй по первое число от полного лысоватого мужичка, который, до этого не замечавший суетившуюся рядом официантку, начал крыть ее последними словами.

Власть деформирует людей. А форма волей-неволей приравнивает человека к определенной иерархии. О существовании обслуживающего персонала вспоминают редко, так что лучше, чтобы нас и вовсе не замечали...

Пока чертова туча мыслей сменяется в моей голове, Шахов буквально ощупывает меня взглядом с головы до ног.

Он странный. Никак не вписывается в привычную картину мира. Наконец, черные глаза останавливаются на моей

груди.

подавляю желание поднять руки и прикрыться, вцепляюсь в несчастный шланг от пылесоса со всей силы. А я и совсем забыла, что продолжаю его сжимать.

Опять поправляю чертов подол и проклинаю, что решилась на такую глупость. Все сегодня идет наперекосяк и в корне неправильно. У меня нервы натягиваются, и я почему-то не нахожу в себе сил извиниться и быстро собраться, уйти отсюда, бежать домой в свою скромную съемную комнату и закрыться на все замки.

Я, безусловно, уйду, но хочу это сделать по-быстрому, когда Шахов уйдет в другую комнату, или хотя бы не будет смотреть в мою сторону. Я с ужасом думаю, что придется нагибаться и подбирать валяющиеся на полу тряпки, а это в моем наряде будет смотреться просто ужасно распутно.

Щеки начинают алеть от смущения. Сегодня самый ужасный, самый провальный день в моей жизни. И я бы не задумалась бы обо всем этом, если бы не опоздала и успела закончить все, убравший из лоунджа до прихода Шаха...

Но уж... чего тут сожалеть. Случилось как случилось. Будет наглядным уроком – чужое брать нельзя, даже если предлагают по доброте.

Мужчина продолжает прожигать меня взглядом, чуть наклоняет голову вперед и прядка смоляных волос падает на высокий смуглый лоб.

Окидывает взглядом мои ноги, смотрит на меня так, что

у меня душа в пятки уходит. Я, кажется, начинаю его сильно злить. Осознаю, что сильно подставилась и с ужасом думаю, что если Шахов подаст жалобу на службу Зуевой...

Если так...

Мне не просто аванса не видать, она уволит меня ко всем чертям. Я же помню, как она отзывалась об этом мужчине, с каким томным придыханием произносила фамилию...

— Меня уволят...

Говорю, едва шевеля губами, запоздало понимая, что проговорила мысли вслух.

Мужчина ухмыляется, тянет губы, оголяя сверкающие белизной зубы, слегка мотает головой. И я не понимаю, к чему этот жест.

Почему ему просто не рывкнуть на меня. Что-то типа “пошла вон”, но уже сейчас я чувствую, что Шахов не поднимает голоса. Такие, как он, одним взглядом прогнать могут, но он почему-то не жаждет избавиться от нерасторопной уборщицы.

Опять опускает взгляд к моей груди, а мне кажется, что еще секунда и от одного этого порочного темного медового взгляда у меня пуговицы повывлетают из петель...

До хруста сжимаю пальцы, держусь за проклятый шланг пылесоса, как за оружие, которое не защитит. Конечно.

Все сильнее думаю, что Шахов, видно, сделал неправильные выводы относительно меня и сейчас раздумывает, что именно делать со мной. Звонить Зуевой и звать менеджера

на разбор полетов или сразу уволить.

Есть в его взгляде эта безжалостность, она остра как бритва и достаточно секунды, чтобы он вспорол мне кожу, или же решил мою судьбу...

А в данном случае и судьбу моих родителей...

Какая же я дура...

Боже...

Если я потеряю эту должность, что будет с отцом?

От всего этого молчаливого давления у меня уже глаза наполняются слезами, держусь из последних сил, чтобы не заплакать.

— Лида...

Наконец, произносит мужчина, а я в первое мгновение забываю обо всем и не понимаю, что он обращается именно ко мне не моим именем.

Он назвал меня Лидой.

Выдыхаю, немного успокаиваюсь, напряжение даже чуточку отпускает.

Конечно, Шахова не грудь моя, перетянутая платьем, заинтересовала, а, вероятнее всего, он просто имя на бейдже читал.

Причем не мое...

Глава 6

– Лида...

Опять произносит нараспев мое чужое имя.

– Хорошая девочка Лида...

Губы кривит в ухмылке и у меня остается явное ощущение, что надо мной подшучивают.

Не знаю, в курсе ли мужчина о стихотворении Ярослава Смелякова про “Хорошую девочку Лиду”, которая живет на Южной улице, да и знать не хочу...

Наверное, настоящей Лиде часто доставалось в школьные годы из-за имени.

Служить посмешищем и забавлять олигарха я не собираюсь.

Насмешливый взгляд незнакомца вызывает злость. Хочется вылететь отсюда пулей и для пущей убедительности шваркнуть дверь.

Бросаю затравленный взгляд в сторону оной. Рассчитываю расстояние и как быстро я смогу прошмыгнуть мимо мужчины такой комплекции.

Смутные страхи вынуждают двигаться, я иду в сторону тележки. Наплевав на то, что оставляю на полу часть своего инвентаря разбросанным.

Срабатывает инстинкт самосохранения, и я решаюсь на единственно правильное – дать деру, как бы сказала моя по-

дружка настоящая Лида.

Хватаюсь за тележку, прошмыгиваю за нее, чтобы хоть как-то скрыться от проницательных черных глаз.

Во всем внешнем виде мужчины сквозит то ли какая-то издевка, то ли игривость. Каждой порой ощущаю, что он как Чеширский кот, нацелен поиграть с мышкой. Игры со смертельным концом. Не иначе.

Толкаю тележку с самым непринужденным видом, на который способна в данный момент, но меня замечают.

– Я тебя не отпускал.

Раздается суровое и я замираю, руки вцепляются в железный поручень. Шах опять фокусирует на мне нечитабельный взгляд и проводит пальцем по столику, рядом с которым стоит. Показательно как-то, и поднимает его вверх.

– Тут пыль. Убери.

Делаю глубокий вдох. Один. Второй. Третий.

Не помогает. Злость вспыхивает. Она затапливает. Сжимаю в руках поручень до боли в суставах. Аванс. Вспомни о деньгах, Журавлева. Вспомни, что они тебе очень нужны.

Как же сильно я ненавижу богатеев, желающих унижить тех, кто стоит ниже на социальной лестнице, но здесь все же нечто иное.

У Шахова интонация человека, привыкшего управлять, а я не справилась с задачей, не успела прибраться до его прихода, ну и тот столик я не вытирала.

Что правда.

Поэтому на реплику мужчины лишь скупой улыбаюсь и, кивнув, беру тряпку, выхожу из-за своего укрытия, концентрируюсь на несчастном столике. Смотрю только на него, чтобы не глазеть на Шахова.

Я ожидаю, что Аслан отойдет, или, наконец, уйдет хоть в ванную, но он не двигается ни на миллиметр. Я приближаюсь к мужчине вплотную и меня окутывает ароматом его парфюма. Станный, непохожий ни на что, но стоит вдохнуть и ощущение, что чувствуешь запах песка, прогретого солнцем.

Сухой и терпкий аромат. Мужественный. Как и мужчина, что застыл в непозволительной близости.

Я отворачиваюсь от него, становлюсь спиной, чтобы не смотреть, но сама ощущаю его интерес.

Шахов очень широкий в плечах, высокий. У него фигура бойца.

Отчетливо ощущаю лопатками его взгляд. Еще никогда в жизни я не попадала в столь странную ситуацию. Когда одна часть меня без конца кричит, чтобы бежала прочь и спасалась, а вторая... затаив дыхание замирает под взглядом сильного самца.

Глупость и сумасшествие.

Звонок мобильного раздаётся и приносит мне капельку успокоения, Шахов забирает пальто и на мгновение в поле моего зрения попадает его смуглая рука с набитой татуировкой птицы на тыльной стороне ладони.

Так же взгляд привлекает серебристый обруч на безымянном пальце. Немного странный. Совсем не напоминающий украшение... но все же кольцо на безымянном...

Шах отвечает на звонок, сбивает с мысли, а я подпадаю под дурман глубокого голоса. Мужчина говорит не на русском. Чужой язык насыщен гортанными и глухими звуками, резкими интонациями.

От подобного голоса, которым можно лед колоть, меня начинает мутить, ладошки потеют, а в животе трепыхают бабочки.

Я не имею права уйти, пока меня не отпустят. Таков порядок в «Элите».

Но я иду на нарушение этого правила. Пользуюсь моментом, что Шах отвлекся, быстро собираю инвентарь, который успела вытащить, обратно. Бросаю взгляд в сторону незнакомца. Не могу заставить себя не оборачиваться на него.

Мужчина подходит к окну и облакачивается широким плечом о стену, сам смотрит в огромное панорамное окно, рассматривает вечерний город и полет луны в небесах.

Красивая сегодня ночь и спутница земли нависает над окном, прокрадываясь в лоундж. Вид здесь открывается великолепный, пожалуй, лучший из всех.

И я такого же мнения относительно мужчины, от которого не могу оторвать взгляд. Сорочка облепила вздувшиеся мышцы на спине.

С каждой секундой я замечаю, что Шахов больше напря-

гается. Он говорит короткими фразами. Все это, скорее, напоминает череду приказов или целевых указаний, которые дает мужчина явно не равному себе.

Может, говорит с подчиненным, а может, и с провинившейся женщиной...

Интонации разговора меняются. Прекращаю таращиться на Шахова. Выдыхаю с шумом. Ноги гудят, я устала, выдохлась и единственное, чего хотела еще пару часов назад – это получить небольшие чаевые и удостовериться, что постоялец доволен, тогда с Зуевой можно и об авансе договориться, а уже завтра отправить деньги маме.

Сейчас и это становится второстепенным. Главное уйти. Что я и тихонечко реализовываю. Наклоняюсь за брошенной на пол последней тряпкой, как меня что-то резко смущает.

Ощущение, что в пространстве что-то меняется. Вскидываю голову и смотрю в сторону мужчины. Шахов же в свою очередь застыл и, прищурившись, скользит взглядом по моей фигуре, одна рука в кармане, второй держит мобильник, а я отслеживаю направление его взгляда.

Становится дурно.

Видимо, пуговка все же не выдержала натиска моей груди и вырвалась из плена петли, а я, наклонившись, даю слишком хороший обзор на содержимое своего бюстика.

Выдыхаю и рука сама ложится на грудь, прижимая ворот платья и лишая Шахова возможности смотреть на меня. Щеки алеют так, словно мне надавали пощечин.

И все равно я от этого мужчины глаз оторвать не могу, он действует на меня как паук. Гипнотизирует, загоняет в паутину и сколько я ни трепыхаюсь, ощущение такое, что вязну еще больше...

В свете полной луны мужчина невероятно красив. Весь в черном, он похож на ворона. С блестящими в ночи голодными глазами хищника.

Он смотрит мне в лицо. Глаза вспыхивают. Страшно становится. Не могу понять чувств этого мужчины, но ощущаю, что меня заперли с кем-то очень страшным. И буквально звереющим на глазах. У него жилы на шее вздуваются.

Отвечает что-то по телефону. Проговаривает очень зло. Почти рычит, а меня царапает имя...

– Талак, Амина!

Могу и ошибаться, но сильно напоминает женское...

Чувствую, как холодная капелька пота скользит вдоль моей спины. Вскакиваю.

К черту все!

Больше ни секунды не задержусь. Мчусь к двери, забываю и про тележку, и про тряпки.

Инстинкт подсказывает бежать...

Я врезаюсь в дверь с размаху. Не знаю, почему мне казалось, что за мной побегут, но этого не происходит. Я дергаю за ручку двери, прикладываю ключ-карту трясущимися руками, едва попадаю по замку, нажимаю, но дверь не поддается...

– Заперто! – срывается всхлипом с моих губ, прислоняюсь полыхающим лбом к белоснежной лаковой преграде, которая отделяет меня от свободы...

Делаю по инерции еще пару попыток открыть дверь, ручка с отвратительным щелканьем становится на место и... чуда не случается.

Я не могу открыть чертову дверь!

Платье неприятно прилипает ко вмиг взмокшей спине, прикрываю глаза и дышу ртом, воздух выходит толчками, прикусываю губу. Замираю в тишине.

А что, если я все это напридумывала?! Испугалась незнакомого мужчину, который, может, сейчас в шоке от моего поведения?!

Сама себя накрутила.

Пытаюсь собраться в ужасе от того, что меня никто не преследовал, не ловил и я сейчас выгляжу как идиотка...

Шахов может подумать, что я припадочная. Пытаюсь найти оправдания и объяснения, успокоить себя, и все бы ничего, только вот дверь заперта...

Больше нет позади злого голоса мужчины. Шахов завершил свой разговор.

Я замираю в полной тишине, в которой отчетливо слышно сумасшедшие биение собственного сердца.

Мгновения проходят под удары пульса в висках и сквозь гул в ушах я отчетливо слышу его голос:

– Иди сюда.

Глава 7

Оцепенение спадает, отчетливо понимаю, что мужчина вновь перешел на русский. Больше нет злых гортанных ноток в голосе. Сейчас лишь тупая сталь, которая испаривает загустевший воздух и врезается в меня.

Шах обращается ко мне. Больше не к кому просто. Сглатываю сухим горлом отсутствующую слюну. Я в полном шоке, обескуражена и дезориентирована. Не могу себя заставить даже обернуться к олигарху.

Не понимаю как, но мне удастся настроиться на него, я чувствую настрой мужчины, его лютую злобу. Сейчас он страшен. Шахов в ледяном бешенстве, и я боюсь, так как единственный человек, запертый с ним в лоундже – это я...

А что, если он решит выместить гнев на ни в чем не повинной уборщице?!

Ядовитая догадка сковывает, меня бросает в жар. Хочется притвориться, что я не слышу его, что это не мне, а той, с кем говорил по телефону...

Мало ли, милые бранятся, как говорится. Не хочется верить, что мужчина сейчас хочет, чтобы я к нему подошла.

– Выпустите меня...

Отвечаю, все так же упираясь лбом в дверь. Она приятно холодит горячий лоб.

– Подойди.

Выдает с нажимом и ломает все мои хрупкие надежды. Он приказывает. И опять меня окутывает властными интонациями и рокочущими сильными нотками в голосе. Шах говорит с легким акцентом, из-за чего у него получается выговаривать слова так вкрадчиво, что становится не по себе.

Выдыхаю и разворачиваюсь резко на каблуках, с противным скрежетом, чтобы увидеть его и замереть. Он стоит все там же у окна, с места не сдвинулся. Сжимает телефон в кулаке, если сомкнет пальцы сильнее, то сомнет гаджет, как бумагу. Тело все так же напряжено и брови сошлись на переносице.

Грозный у него вид, страшно красивый, я бы сказала. Темные глаза полыхают, резкие скулы побелели, акцентированные густой щетиной.

Шах сжимает челюсти пару раз, и я замечаю, как сокращаются мускулы, словно тень бежит вниз по скулам, фиксирую, как дергается острый кадык на широкой шее.

Не решаюсь на шаг, обмираю вся.

Передо мной очень сильный мужчина. К тому же он явно на взводе и что от него ожидать, я не знаю...

– Я уже понял, что, помимо прочего, ты реально номер отдраила, но не стоит так сильно вживаться в роль.

По мере того, как мужчина выдает слова, я перестаю понимать что-либо. Его фразы никак не укладываются в моем сознании.

– Я не любитель подобных игр.

Смотрит из-под широких бровей. Больше ничего не говорит. Поднимает смуглую руку с татуировкой, и я цепляю, как блик света отражается от кольца, когда подзывает меня коротким жестом.

Прикусываю губы в нерешительности.

Что же мне делать?!

Не любитель подобных игр...

Цепляюсь за эту фразу. Предупредительный звоночек. Здесь что-то не так. Не сходится. Я всего лишь уборщица, а он мужчина, который никогда не посмотрит в сторону такой, как я.

Более того, кавказцу с такой агрессивно-брутальной внешностью не нужно приставать к обслуге. Любая женщина его будет, начини он ухаживать и делать знаки внимания, но сейчас он ведет себя так, словно имеет все права.

Мгновение проходит в нерешительности. Но атмосфера накаляется. Я чутьем понимаю, что нельзя сейчас провоцировать.

Шах слишком на взводе. Взвинчен. На грани слепой ярости...

Страшно провоцировать мужчину своим неповиновением. Смотрю в его глаза. Дышу с трудом. Воздух похож на раскаленную лаву. Мозг ищет решение и не находит.

Приподнимает бровь. Дает понять, что своим колебанием злю Шаха еще сильнее. Ноги не слушаются меня, все тело подчиняется молчаливому приказу Шаха.

Я как на привязи иду в его сторону. Делаю робкие шаги, пока карие глаза свободно проходятся по моей фигуре. Я дрожу. Но не столько от страха перед мужчиной, сколько от странного томительного чувства, которое полыхает в груди.

— Ну вот и умница, Лида...

Выдает спокойно, резкое движение и меня притягивают, горячая ладонь опускается на мою талию.

— Я говорю — ты подчиняешься. Усеки это, красивая.

— Я... я... — бубню слово, не в силах выдавить из себя связную мысль. Накрывает шоком. Причем полным, но мужчина нетерпеливо цыкает, заставляя меня замолчать.

Вторая ладонь опускается на мою талию и мое одеревеневшее тело прижимают к сильной раскачанной груди.

По инерции кладу руку на его живот и ощущаю кубики мышц. Боже, он что, каменный?! Незнакомец возвышается надо мной на пару голов. Руки огромные, захочет, переломает пополам, разорвет просто.

Но это все проходит в мозгу вспышками и гаснет, потому что чисто интуитивно понимаю, что эти руки не несут вреда и касаются удивительно мягко. Ноздри щекочет от приятного мужского парфюма, богатого, с нотками остроты.

— Отпустите меня, пожалуйста.

Выдыхаю с шумом, а он лишь прищуривается. Неуловимое движение и мой пучок на затылке лишают заколки. Волосы падают, свободно ложась на плечи.

Золотистые глаза проходятся по моему лицу, поднимает

одну руку и проводит большим пальцем по моей скуле, словно знакомится, и чисто женским чутьем я понимаю, что Шах удовлетворен тем, что видит.

И это странно, потому что подобные мужчины могут встречаться и развлекаться разве что с моделями, а не с непутевыми, невезучими уборщицами...

– Красивая девочка Лида...

Чуть оголяет зубы, приподнимая верхнюю губу наподобие хищника, спустя мгновение ступора мои ладони буквально обжигает. Сглатываю. Пытаюсь оттолкнуть. Ощущаю, как под пальцами бугрятся мышцы.

– Я не...

Хочу сказать, что не Лида и вообще никаким боком меня нельзя так трогать, но замолкаю, так как рука, что лежала на моей спине, приходит в движение и скользит вниз, прихватывает подол платья и начинает задираť.

– Стой!

Не слушает меня, улыбается и вторая рука скользит вверх по спине, обнимает и притягивают за плечи.

– Смотрю, расстарались в этот раз, все пожелания учли...

Говорит, а до меня не совсем доходит, при чем тут пожелания, он обо мне вообще?! О чем он?!

И внутренний голос отвечает: «О том самом, дуреха...»

Зуева согласилась взять меня после странного разговора по телефону, кто-то там на другом конце трубки выдвинул такие аргументы, что женщина решила уступить, взять меня

на освободившееся место...

Сразу же вспоминаю историю с девушкой, которую увезли на скорой. Гулко сглатываю слюну...

Вроде бы все было ясно-понятно. Еще утром. Я брала дополнительные часы, а сейчас вопрос только в том, на какую именно работу я подписалась?!

– Господин Шахов, я не та, за кого вы меня принимаете... Понимаете, я тут действительно убираюсь и это все какая-то глупая случайность!

Мой лепет, кажется, до него не доходит. Горячие пальцы уже массируют позвонки внизу шеи и после тяжелого дня подобная неожиданная ласка заставляет напряжение уйти из мышц, а меня выдохнуть, чуть прикрыв глаза.

Сквозь ресницы я отчетливо вижу красивое, немного грубоватое лицо мужчины с ярко выраженной линией челюсти и чуть впалыми щеками, которые покрывает эффектная щетина, добавляющая лишь брутальности.

Нос с горбинкой выглядит хищно, но прищур глаз заставляет и вовсе потеряться от того огня, который вспыхивает на дне зрачков.

– Все по вкусу. Даже очень... Лидя... – произносит нараспев, тянет гласные.

И чужое имя обдаёт кислотой. Я словно воровка примерила на себя чужую личину. Хочется поправить и назвать свое настоящее имя. Я ведь Полина. И хочется услышать, как восточный мужчина с таким же придыханием назовет мое имя.

Глупость! Боже, какая несусветная глупость!

О чем я думаю?!

Просто виной всему его напор, его харизма. Я не особо пользуюсь успехом у мужчин, времени нет, да и никогда не претендовала на звание красавицы, за которой ходят толпами, а тут такой мужчина и такая страстность в каждом жесте, в каждой букве.

– Лида...

Черт! Так и хочется крикнуть, что не Лида я! Вы меня спутали, я вообще не должна быть здесь, с вами...

Но у меня язык немеет, запах мужчины усиливается, он манит, и кажется просто невероятным, что я нахожусь в этих крепких руках, он сжимает так, что не вырваться, не убежать. Дверь позади заперта, а окно глухое...

Опять опускает взгляд на мою грудь, не уверена, что ему что-то видно, учитывая, что я вжата в его грудную клетку.

– Зуева уверяла, что сегодня будет особая услуга, а я все думал, что старая кляча, как продавец на рынке, расхваливает порченный товар. Удивила. Впервые именно то, что нужно.

Губы у него искажаются в оскале хищника, оголяют белоснежные крупные резцы.

– Послушайте!

– Не буду слушать...

Повторяет мое же слово и огонь в глазах перерастает в настоящий пожар, который пульсирует в его теле и передается мне. Восточный мужчина огненного темперамента. Кажется,

что у него кожа жжет и я, наконец, делаю попытку отстраниться.

Тщетно только. Передо мной стена, которую не сдвинешь. Не обойдешь.

– Я выполнила свою работу. Отпустите меня. Можно и без чаевых.

Говорю сама не знаю что, просто теряюсь от такого напора, потому что напротив меня голодный лев, который готовится поужинать глупой трепыхающейся ланью.

– Чаевые будут щедрыми. Ты меня радуешь...

Подается вперед и его губы накрывают мои в страстном поцелуе...

Голова идет кругом от сумасшествия, которое творится, скрежет змейки платья раздается неожиданно громко и горячие сильные пальцы оказываются на моей коже, которая покрывается мурашками, меня буквально сшибает харизмой мужчины, его самостью.

Еще никогда и никто так не смотрел на меня, не трогал так откровенно, словно имеет все права. Прекрасно понимаю, что именно от меня хотят, и ловлю себя на том, что несмотря на сумасшедшую неправильность происходящего, внимание мужчины меня будоражит.

– Лида... – опять повторяет мое имя, – это имя тебе не подходит, оно какое-то напыщенно-пафосное... Псевдоним?

– Нет! Я не...

Чуть не прокалываюсь и не говорю, что Лида – это совершенно другая девушка, заторможенно понимаю, что нужно держать язык за зубами.

Могу навлечь неприятности не только на себя, но и на отзывчивую Лидку, которая отдала мне свое платье. Голова кружится, мысли сменяются и мне почему-то отчетливо кажется, что сама судьба помешала мужчине узнать мое имя...

Интуиция срabатывает и заставляет молчать. Я напрочь забываю, что хотела объяснить всю ситуацию, признаться, что тут по какой-то нелепой случайности...

Но голос разума повторяет, что случайности нет.

Видимо, Шахов ждал определенную услугу и меня просто подставили.

По его коротким фразам, перемежающимся с поцелуями, от которых я перестаю мыслить, я понимаю, что просто подошла под заказ. Он получил в номер то, что хотел. Зуева меня подослала. Вот с чего такие гляделки и недомолвки в ее кабинете.

А я... наивная дура... я не могла подумать, что самое престижное и дорогостоящее, пафосное место столицы служит вот таким вот образом своим богатым клиентам...

– Почему раньше тебя ко мне не посылали?

Может, потому что я не та, за которую ты меня принимаешь?!

Отвечает внутренний голос, но я полностью дезориентирована и практически вишу тряпичной куклой в этих силь-

ных руках. Шах прижимает меня к себе, носочки моих туфель едва касаются пола.

Нечеловеческая сила. И вместе с тем его недавняя ярость словно улетучивается. Меня дурманит аромат мужчины, по-другому и не скажешь. Его жар, его напор. Он дезориентирует, подавляет, сшибает всякий намек на сопротивление.

– Вкусная...

Выдает будто удивляясь. Проговаривает что-то на чужом языке, резкое, рваное, словно восхищение, а может, и ругательство, ничего уже не понимаю.

Не успеваю увернуться от алчных жадных губ. Он словно выпивает весь мой воздух, заставляет сердце отбивать в груди бешеный ритм.

Да я вдохнуть не могу от такого напора! Не то чтобы что-то сказать. Мои губы вновь сминают в поцелуе, который похож на ураган. Он возникает стремительно, порывисто и уносит за собой в неизведанные дали. Не понимаю как, но я отвечаю, робко, но отвечаю, ноги слабеют, я цепляюсь ладонями за шею мужчины, чтобы не упасть, чтобы не задохнуться в чувственном порыве.

Отрывается от меня и смотрит так, что у меня душа в пятки уходит.

– Нужно спустить пар. Ты чертовски подходишь...

Смотрит на мои губы, проводит большим пальцем по припухлой нижней, чуть надавливает, прижимает к зубам, а у него мимика меняется у самого, бровь приподнимается слов-

но в удивлении.

– Натуральная...

Говорит глухо и “р” в слове вибрирует, искажается и уже акцент ярче проскальзывает. Он горит желанием и этот порыв передается мне.

– Все под заказ. Как и обещали.

И опять поцелуй, а меня прошибает пониманием, как сильно я подставилась. Все становится на круги своя. Вспоминаю разговор с Зуевой. И до меня доходит ее недосказанность, намеки, которые не поняла по своей наивности.

Секунда и я взрываюсь вверх в сильных руках. Он несет меня в спальню и только в этот момент сознание проясняется, меня словно водой со льдом окатывают, я дергаюсь в сильнейшей хватке, пытаюсь слезть и чудом не падаю.

Вернее, это не чудо. Это каменные мышцы и сила бизона, которая скрыта в теле кавказца.

– Ашша... С ума сошла!

Сильная хватка на моих ребрах обездвиживает, и я заглядываю в медовые глаза, полыхающие гневом.

Мне показалось, мужчина успокоился?!

Нет! Прямо сейчас я наблюдаю еще более зловещую картину и втягиваю голову в плечи, боясь, что мне просто ее свернут.

– Я уборщица...

Пищу не своим голосом.

– Вы меня перепутали... Или случилась какая-то страш-

ная ошибка.

И бровью не ведет на мой лепет. Только прищуривается сильнее, а я чувствую себя просто букашкой в руках бугая. Если он меня даже отбросит в сторону, как нашкодившего котенка, то все равно переломов не миновать!

– Вы понимаете меня?!

Наконец, не выдерживаю и задаю вопрос, потому что красавец напротив, кажется, застыл изваянием и ничего не прочесть по его лицу. Не понять, о чем он думает, понимает, в конце концов, меня? Может, он русский не слишком хорошо знает. Мало ли.

Черт. Мысли скачут, как пришибленные пони, в голове.

– Нет.

Наконец, произносит спустя долгую минуту молчания.

– Ты здесь. В моем персональном лоундже. Сюда вход закрыт. Нет никакой уборщицы. Есть заказ, оплаченная услуга и исполнитель.

Глава 8

Он говорит так, словно правила сделки озвучивает.

– Я не на эту работу нанималась...

В глазах начинает печь. Мне поблажек давать не будут. Восточный мужчина напротив явно не расположен к болтовне, он нагло притягивает меня к себе и опять накрывает мои губы. Его напор ужасает и потрясает одновременно. Здравая часть меня вопит о неправильности происходящего, а вот женская сущность откликается.

Когда еще мне посчастливится угодить в объятия такого напористого брутала. Да никогда, если смотреть правде в глаза.

Не обращают внимания такие brutальные образчики мужской красоты в сторону простых уборщиц. Стыдно от того, как быстро я подпадаю под его чары, под напор, который не дает и шанса на отказ.

Я и не целовалась толком, а сейчас мне кажется, что меня съедят, просто сожрут, и голова кругом от того, что мужчина всячески демонстрирует, что он от меня голову теряет.

Мой полет прекращается стремительно. Мы падаем на мягкую кровать и на мгновение мужчина отдаляется, смотрит с каким-то странным непонятным блеском в глазах, рассматривает мое лицо.

Проводит большими пальцами по скулам. И я замираю,

тону в золоте глаз с расширяющимся зрачком.

Аслан...

Он сказал, его так зовут...

Сейчас незнакомец опасно красив, скулы побелели и кожа на них натянулась. Словно он жаждет, просто до умопомрачения желает меня...

Простую девушку в дешевом платье и с чужим именем на бейдже.

На мгновение кажется, что я под личиной, что ничего страшного произойти не может. Он знает меня как Лиду.

То есть здесь и сейчас в объятиях мужчины одновременно я и не я...

Хрупкое оправдание, но мое сознание за него цепляется. На мгновение, лишь на чертову долю секунды хочется почувствовать, каково это, когда тебя любит подобный мужчина.

Незнакомец из другого мира богатства и власти. Красавец, который ни при каких обстоятельствах не мог бы заметить меня, просто вмешался случай, а точнее, жадный интерес Зуевой, которая побоялась рисковать своей шкурой и решила не подводить такого человека, подставив под удар подвернувшуюся сотрудницу.

Он смотрит мне в душу. Не отпускает взгляда. Хрипловатые нотки в его голосе действуют подобно разрядам тока, когда выдыхает зло:

– Шайтан... что с тобой не так?

Но отвечать мне не дает, пальцы зарываются в мои волосы, натягивают до боли, пока он заставляет откинуть подбородок. В золотистых глазах обещание.

Меня никто не собирается выпускать из своих загребущих рук. В каждом жесте – сила и власть. Умение подчинить.

Он жаждет меня, опять наклоняется и закрывает мой рот поцелуем, обескураживает. Выдыхаю с шумом и замечая, что мои пальцы уже не отталкивают, сама не понимаю почему, но ощущаю бархатистую густоту коротких чуть выющихся волос на его затылке.

Отдергиваю руку, словно обжегшись.

Это не я.

Эта разгоряченная девушка и близко не похожа на меня. Я веду себя просто аморально. Разум понимает! Но чувства выходят из-под контроля. Словно кто-то откупорил бутылку с джином, и он вырвался наружу после длительного заточения!

– Верни пальцы на место!

Проговаривает четко. Не совсем понимаю, о чем он.

– Что?!

– Нравится, как ласкала, продолжай.

Шах не дожидается, берет мою руку и сам ведет по своей щеке, заставляет скользить подушечками по колючей щетине.

Мною играют. Забавляются. В то время как я нахожусь на грани ужаса и возбуждения. Осатанелый коктейль из чувств.

Противоречивых. Порочных.

Шах резко освобождает меня от приятной тяжести мужского тела, встает, как хищник, быстро, и принимается расстегивать сорочку, при этом даже не моргает, смотрит мне в глаза. Держит зрительный контакт. Цепкий. Как на веревке. Не убежать, а я наблюдаю за тем, как сорочка улетает в сторону, и забываю, как дышать.

Взгляд сам скользит по широкой мускулистой груди мужчины, где на левой стороне написано что-то на арабском. Две строчки.

Еще две строчки написаны на мощных ребрах. Такое тело, как у Шаха, не каждый атлет имеет. Мужчина явно увлекается спортом. Я как замороженная наблюдаю за тем, как бугрятся мышцы на предплечьях, когда принимается вынимать ремень из шлевок, слежу за игрой длинных сильных пальцев и опять взгляд натывается на серебристый ободок кольца...

Это кольцо... Оно позволяет мне очухаться от странного гипнотического транса, в котором я нахожусь, сердце пропускает удар, я словно просыпаюсь от чувственного дурмана.

Пока Шах занят своей одеждой, я подрываюсь на постели, перекачиваюсь и падаю на коленки. Не чувствую боли, на адреналине делаю рывок в сторону двери.

Пытаюсь спастись от чувственного помутнения, в которое я впадаю со страшной скоростью, но я не успеваю сделать и пары шагов, как меня отрывают от пола, и моя спина вжимается в горячую, просто полыхающую грудную клетку муж-

чины.

– Попалась, бабочка. Больно быстрая. Не стоит переигрывать... Я уже сказал, что не фанат ролевых.

Висну в крепких объятиях, пока Шах опускает голову и вжимается носом в местечко между шеей и плечом. Он тянет воздух. Вдыхает мой запах.

– Давненько так не вело...

Опаляет жаром дыхания и вызывает табун мурашек, который бежит вниз по спине, рассыпается по коже и откликается томлением в животе.

– Я не бабочка...

Выдыхаю с шумом. Моя грудь зажата между мощных предплечий и дышать удастся с трудом. Позади меня буйвол. Агрессивный. Сильный. Такой может расплющить, а слова Ясмин про девушку из ночной смены слишком свежи и сейчас обретают иной смысл...

– Если не бабочка, то кто тогда? Светлячок? Лида...

Опять чужое имя, но оно звучит так порочно, так призывно...

Теряю способность мыслить, обрывается всякая связь с реальностью, когда мужчина целует мою шею так жадно, что зубы прикусывают нежную кожу, затем губы легонько дуют.

У меня веки прикрываются, я слабею, поддаюсь. Ощущать позади себя мускулистое, накачанное тело сильного яростного мужчины волнительно.

Губы скользят по моей шее вверх, крепкие пальцы смыка-

ются на моем подбородке и разворачивают его так, что мужчина вновь сминает мои губы в страстном поцелуе. Я становлюсь глиной в его руках, растекаюсь просто, пока не ойкаю от того, что его зубы смыкаются на моей губе...

– Никогда не целовал... а тебя хочется...

Не разбираю, что он говорит. Слишком явный акцент и слова вперемешку с русскими...

Опять разворачивается и я оказываюсь вжатой в матрас. Звук рвущейся змейки на моем платье оглушительен.

Опять рыпаюсь, но меня разворачивают на спину, а Шах нависает сверху, упирается огромными ручищами возле моей головы. Такими кулаками можно череп среднестатистическому мужчине раздробить.

Перевожу взгляд с массивных рук к лицу.

Надо мной нависает невероятно красивый мужчина. Я смотрю на него в упор. Разглядываю нагло. Не могу отвести взгляда. Редкая варварская красота, в чем-то даже настолько идеальная, что страшно. Нечеловеческое в нем есть что-то. Алчное. Безудержное. Потрясающее до безобразия.

Смоляные волосы падают на лоб и мои руки сами тянутся и убирают прядки. И в этот самый момент Аслан резко прихватывает мои пальчики зубами, полуукус – полупоцелуй. Невероятно сладкий. Прикрываю веки, а в следующий миг слышу рваное:

– Откуда такая взялась? Новенькая?

– Я здесь два месяца работаю, – выговариваю с трудом, –

я не должна была приходить в ваш лоундж, это все Зуева, я не знала...

По мере того, как слова срываются с моих губ, лицо Шаха искажается в подобии улыбки, от которой сердце забывает биться. Оскал хищника, взявшего прямой курс на жертву.

Может, он что-то и понял из моей сбивчивой речи, но я сейчас в таком раздрае, что даже не могу признаться, что я никогда не была с мужчиной и что это все злонамеренность, даже не случайность!

– Старая кляча впервые сделала что-то на славу.

И прежде, чем вновь поцеловать, произносит с придыханием:

– Аийшаа...

Глава 9

Я попадаю под воздействие цунами или же какого-то стихийного бедствия. Меня парализует от ощущений и чувств. Грубые пальцы оказываются на моей коже в рекордно короткие сроки, незнакомец не оставляет и шанса на то, чтобы здравый смысл проснулся.

Он ласкает, трогает, его губы опьяняют сумасшедшими поцелуями. Но самое ужасное то, что я даже не хочу вырываться из таких жарких объятий.

Не понимаю, в какой момент мои руки посильнее впиваются в бычью шею и от переизбытка чувств царапают ногтями, вызывая рык.

Опять говорит что-то на своем языке и на мгновение перестает терзать мои губы, замираю, стоит заглянуть в карие глаза с отсветом золота, которое плавится на самом дне этих глубоких омутов.

– Лида...

Я тону. Падаю. Никогда бы не думала, что мой первый раз будет с мужчиной, которого я знаю менее получаса и который все время называет меня чужим именем...

Проводит пальцем по моей скуле, придавливает сильнее и смотрит, а в ночи его глаза начинают полыхать все сильнее...

Опять мне кажется, что кавказец бесится, он с силой проводит пальцем по контуру моих губ, вжимает подушечку в

зубы...

– С виду такая скромница, никогда бы не подумал...

Пока говорит, вторая рука ложится на мое горло, ласкает...

– И родители знают, чем промышляет их дочь?!

Слова выговаривает так зло, бросается ими наподобие острых ножей, которые летят прямо в цель. Я вздрагиваю. Почти прихожу в себя. Хочу ответить, хочу закричать, что это все он виноват!

Из-за его прихоти меня послали на убой!

Дергаюсь, царапаюсь как кошка. Обида опалает. Понимание того, кто я в его глазах – оскорбляет. Этот мужчина налетел на меня, как страшное бедствие, и закрутил в вихре, дезориентировал своей страстью, но крепкие пальцы накрывают мой рот, как только хочу закричать, что это все ошибка!

Меня подставили.

– Не нужно пустых слов. Ты больше не будешь здесь работать. Больше не будешь... Мы поговорим. Потом...

Говорит так безапелляционно, что я сглатываю. Мысли скачут в разгоряченном мозгу, а в глазах вспыхивают слезы.

Это он меня сейчас увольняет, что ли?!

Не понравилась случайная девушка, или что?!

Жгучая обида поднимается в душе. Я не понимаю себя. Не понимаю, чего хотела секундой ранее, но внезапно кажется, что если он сейчас меня отвергнет, если встанет и не продолжит то, что начал, я просто сгорю от неудовлетворенно-

сти, от режущей тяжести, которая поселилась в животе...

Ощущение такое, что внутри меня собрались бабочки с огненными крылышками, которые вспыхивают и сгорают до тла каждое мгновение, пока мужчина медлит.

Горечь обжигает горло. Не бывает сказок и не смотрят такие мужчины, как Шах, на простых...

Глупая обида вспарывает сухожилия, отдается болью. Толкаю его в грудь. Пытаюсь вылезти, но кажется, что просто ударяюсь о бетон.

Шах – одни сплошные мышцы, бугрящиеся, вздувшиеся. Он застывает надо мной. Ловит за подбородок и заставляет смотреть в глаза. Безотрывно. А я, кажется, запоминаю каждую резкую черточку на этом волевом лице.

Красивый он сейчас до безобразия. С жадным блеском и похотью в глазах. Невозможно остаться равнодушной. Нереально не вспылать в этих опытных руках.

Мое молчаливое сопротивление длится мгновения, пока внезапно мужчина не смягчается, хватка больше не давит. Взгляд меняется, жестокость исчезает.

– С тобой все не так. К черту. Потом разберусь!

Опять принимается целовать, пальцы зарываются в мои локоны, натягивают у висков. Пара движений, полет ненужных клочков одежды в сторону, и я остаюсь полностью обнаженной в объятиях мужчины, горю в его страсти.

Меня качает на волнах, все тело похоже на пульсирующий сгусток чувственности. Теряю связь с реальность, время сти-

рается. Все проблемы отходят, остаются только мужчина и женщина.

Пусть все неправильно и в моей жизни определенно случилась катастрофа, но я, как адреналиновый маньяк, испытываю от происходящего только наслаждение. Пусть наутро я буду считать себя кем угодно, но здесь и сейчас мне хочется верить в восточную сказку, которая приключилась с простой девушкой.

На мгновение тяжесть тела мужчины исчезает, он отбрасывает одежду, чтобы в следующую секунду вернуться и одним ударом взять то, что хранила для особенного мужчины...

С губ срывается всхлип, а из глаз брызжут слезы, которые он целовывает, замирает и вглядывается.

Что-то страшное вспыхивает на дне золотистых глаз, когда выдыхает надрывно:

– Ты... мать твою...

Пытаюсь выкарабкаться. Накатывает стыд.

– Завтра...

Выдыхает резко. И опять речь. Чужая. Непонятная. И губы, которые возвращают меня к точке невозврата. Все исчезает. Я словно замираю в одном моменте. Есть только я и он. И больше нет ничего. Никаких мыслей. Не сейчас. Только тайфун эмоций и ласк. Опытных. Уверенных, которые дурманят и заставляют хотеть еще большего, рваться куда-то и, наконец, зависнуть на доли мгновений в воздухе, чтобы рух-

нуть со всей силы в омут наслаждения. Не испытанного никогда прежде...

Я просто теряю счет и перестаю понимать, что происходит. Моим телом управляют, я чувствую себя куколкой, в которую играют, с которой играют. Заставляя терять сознание от эйфории.

В какой-то момент я просто проваливаюсь в сон и чувствую, как сильная рука притягивает меня к мощной огненной груди и укладывает поудобнее.

Разгоряченная кожа отвечает острыми мурашками, когда шершавые подушечки проходятся по позвонкам, водят и вырисовывают странные вязи...

Веки тяжелеют, сил нет даже на то, чтобы вяло среагировать, я улываю в сон окончательно, но даже сквозь марево тяжелого дурмана я не перестаю ощущать сильные объятия, пока наконец полностью не вырубаясь, падая в беспробудный сон без сновидений.

Мои глаза не распахиваются резко. Нахожу себя в постели с мужчиной. Причем его рука лежит на мне, прижимает, давит, не отпускает.

Сглатываю едкий ком, который застрял в горле. Не могу поверить в то, что я сделала, как поддалась. Оказалась девушкой на ночь. Угрызения совести просыпаются вместе с сознанием, но также быстро гаснут, стоит мне обратить взгляд на мужчину, который спит рядом.

В темноте при приглушенном интимном свете лоунджа я

чувствую себя воровкой, которая глазеет на мужчину. Шах даже спящий выглядит излишне опасно. Черты лица у него резкие, острые скулы, квадратный подбородок покрыт щетиной, следы которой отпечатались на моей воспаленной коже. Останавливаю взгляд на резко очерченных прямых губах один вид которых вгоняет меня в краску.

Шахов не пожалел. Он понял, что первый, но не смотря на это не отпустил и оборотов своего напора не сбавил.

Все это вызывает странные чувства в груди. Мне было с ним хорошо до одури. Невероятно просто, но послевкусие у этой близости горькое, злое. У меня в глазах закипают слезы обиды.

Но виню я не мужчину. Мы с ним оба в равной мере виноваты. Я – потому что хотела всего, что он со мной делал. Себе уж чего врать, а он виноват в том, что не захотел слушать.

Клиент всегда прав, так ведь говорят? В Элите все работает именно так.

Морщусь от ядовитых мыслей. И перевожу взгляд на руку мужчины, которая так властно лежит поперек моего тела. Пытаюсь пошевелиться, выползти, но он лишь сильнее сжимает, заставляет еще больше слиться с таким горячим и сильным телом. Кожа к коже.

И это ощущение оно такое же бесстыдное, насколько и правильное. Не знаю почему пальцы сами тянутся к смоляной пряди, которая лежит на высоком смуглом лбу мужчины. Даже во сне Аслан выглядит гордым и неприступным.

Опасаясь его касаться, но пальчики сами проходятся по его бровям, скользят вниз по линии скулы.

Невероятно красивое лицо, но при этом жесткое, волевое, высеченное из гранита.

Не знаю чего я добиваюсь своими касаниями, Неужели жду, что его золотисто-карие глаза откроются и увидят меня?

А может подсознательно хочется еще раз упасть в самую бездну и почувствовать какого это, когда такой мужчина лишает тебя возможности дышать и поглощает каждый твой стон.

– Почему не спишь?

Его голос хриплый со сна, парализует. Смотрю в лицо мужчины с ужасом, но глаз Аслан так и не открывает. Рассматриваю пушистые длинные ресницы, которые даже не дрожат.

Не могу понять он продолжает спать, или просто не считает меня даже достойной своего взгляда.

Рука на моей талии сжимается, придавливает еще сильнее.

Я ничего не отвечаю. Замираю в его руках. Боюсь шевелиться, дышать боюсь, чтобы не спровоцировать на новое буйство. Тело болит и саднит после того, что было.

Что ответить?! Не сплю, потому что изучаю мужчину с которым переспала? Или не сплю, потому что в ужасе от всего, что натворила?

Не хочу обсуждать ничего, да и Аслан не настроен. Поэтому я делаю единственное, что может спасти при контакте с хищником – я расслабляюсь, заставляю напряжение уйти из одеревенелых мышц, выдыхаю и прикрываю веки.

Я так измотана, что даже в такой ситуации меня моментально накрывает пеленой сна и уже на грани сознания я слышу, довольное.

– Вот и умница, Аийша...

Но мой на этот раз беспокойный сон не длится долго. Я открываю глаза с первыми лучами пробуждающегося солнца.

И именно эти лучи освещают степень моего падения в моих глазах. Утро вечера мудренее – не совсем так. Утро заставляет думать здраво. Не поддаваясь импульсам.

Я смотрю на мужчину, который все еще спит рядом и бросаю взгляд на руку с татуировкой. Очень интересная символика. Такое впечатление, что изображен древнеегипетский Ибис, парящий в небе широко открыв крылья.

Красиво, даже чуточку улыбаюсь от сравнения, но затем полет фантазии обрывает серебристый ободок на безымянном пальце.

Это может быть просто кольцо. Все же золотое кольцо, а может серебряное, или платиновое.

Всего лишь сомнение и догадка, но болезненная горечь сковывает мое горло обручем.

В душе поднимается что-то черное, ревнивое, оно окра-

шивается обидой...

Густой, пряной, ломает грудную клетку изнутри. Застываю в шоке от чувств, которые просыпаются во мне из-за чужого мужчины. Незнакомца, который так дерзко взял.

Его не должно было быть в моей жизни, а меня в его!

Мало того, что я попала в такую ситуацию... Этот мужчина может быть женат... Ну или просто любит кольца...

Мысли долбят мозг и опять, как замороженная скольжу взглядом по его великолепному телу. Рядом со мной спит голый мужчина с широкой грудной клеткой, переходящей лестницей из кубиков вниз к узким бедрам.

Покрывало лишь слегка прикрывает пах, мощные руки лежат свободна. Я рассматриваю Шаха и сердце сжимается.

Мне больно от того, что будет потом...

После того, как он проснется.

Аслан сказал, что мы поговорим...

О чем?!

Накатывает безумная волна паники и страха. Вспоминаю наш короткий разговор про чаевую и щедрую оплату.

По щекам начинают течь слезы. Что будет, если он предложит мне деньги?! Смогу ли я пережить подобное оскорбление, смогу ли вообще после такого считать себя человеком?!

Еще вчера я была студенткой – заочницей с ворохом проблем из ряда “понаешавших”, а сегодня я проснулась в постели с мужчиной...

С невероятно горячим мужчиной в сексе, но безусловно холодным и расчетливым в жизни.

Чего мне ждать от утра с ним?!

Бросаю взгляд по сторонам, смотрю затравлено. Понимаю, что не выдержу его взгляда под светом дня. Ночью все было иначе. Мрак скрыл многое, окутал чувственным маревом и увлек в мир наслаждений, которые мне не суждено было испытать, если бы...

И опять взгляд возвращается к кольцу на безымянном...

Вспоминаю имя женщины, которое он словно выплюнул вчера.

Амина... второе слово не запомнилось, а вот это имя врезалось в память. Не выдрать.

Становится больно. Отвратительно на душе от того, что я ушла с головой в чувственный экстаз, а он... может быть у него есть жена?!

Мне кажется, я дыру могу прожечь на его руке одним взглядом. Хотя через секунду картинка идет трещинами, смазывается...

Почему у меня мокрые щеки?!

Быстро вытираю лицо ладонью. Как затравленный зверек, бросаю взгляд по сторонам в поисках непонятно чего, натыкаюсь на наручные часы, лежащие на тумбочке рядом. Баснословно дорогие, с кожаным ремешком, которые видимо Шах вчера снял, чтобы не мешали.

Циферблат показывает ранее утро. Хорошее время для

побега. Затравленный взгляд опять мечется к двери. Я помню, как пыталась вчера открыть эту преграду и у меня не вышло.

Доступа нет.

– Что же мне делать?!

Произношу одними губами. И опять смотрю на брюнета, рассматриваю мощную фигуру и вязь татуировки на груди. Интересно знать, что за фраза там выбита.

Хочется вообще узнать этого мужчину, быть с ним, встретиться...

Не быть развлечением на ночь!

Глупая.

Соленая капелька падает на мою голую коленку. Понимаю, что реву, как дура и оплакиваю то, чего у меня нет и никогда не было. Шанс на отношения с подобным мужчиной есть только у его этой Амины...

А я...

Я заказ, который пришелся ему по вкусу. Вот и все.

И пока он спит. Я все еще не столкнулась с ужасающей реальностью, которая прогнет и уничтожит меня, лишит всяческой веры в свое светлое будущее.

Что меня ждет? Оплата за услуги?

Нет. Не могу!

Умру просто на месте... если упаду столь низко...

Отворачиваюсь и мой взгляд вновь мечется по номеру, пока не натывается на брюки мужчины, небрежно валяющиеся

ся на полу. Мне кажется, что я даже вижу очертания ключ-карты в кармане.

Гипнотизирую взглядом свою единственную надежду на спасение. Боюсь двинуться и опять бросаю через плечо взгляд в сторону своего первого мужчины.

Я запомню его. И не смотря на весь ужас ситуации, я даже рада, что у меня появился такой опыт.

Стать женщиной в его руках было невероятно чувственно, охренительно просто. Ни один парень, с которым я хоть как общалась не мог иметь такой набор знаний относительно женского тела...

Прикусываю истерзанную губу и придерживаю одеяло у груди, словно боюсь собственной наготы.

Пока Шах спит, я не врезалась в реальность. Не получила крушение всех своих надежд. Пусть это ночь останется сумасшедшим воспоминанием.

Давно уже надо было делать что-то со своей девственностью, так что можно сказать Аслану спасибо за такой опыт...

Нервный смех едва не вырывается из груди. Может написать записку, по типу, “все было классно, прощай!”

И еще самой денег оставить. Опережая, так сказать, ситуацию. Представляю степень шока мужчины... и что-то мне подсказывает, что ярость Шаха лучше не испытывать на собственной шкуре. Такой не пощадит.

Веселая улыбка спадает с губ, денег у меня совсем нет. Ни гроша. А про аванс можно и забыть.

Эта не та работа, за которую позволительно взять плату, пусть я и отдраила чертов лоундж.

Наконец выдыхаю, заставляю себя прекратить рассматривать Аслана. Прошлое – в прошлом. Мысленно прощаюсь и закрываю эту часть в ячейках памяти.

Тихонечко выбираюсь из-под одеяла, опускаю босые ступни на теплый пол и как есть совершенно обнаженная крадусь к мужским брюкам...

Засовываю руку в карман и пальцы сразу же цепляют увесистую пачку денег, перехваченную золотой скобой – прищепкой.

Вытаскиваю по инерции эту пачку. Чужие деньги вмиг обжигают пальцы.

– Ничего себе...

Выдыхаю шокировано. Глаза становятся размером с блюдца, наверное. Здесь столько, что можно не просто отцу операцию оплатить, а всю нашу провинциальную больницу купить со всем содержимым!

Я буквально на несколько секунд зависаю с этой пачкой денег. Шок сказывается. А еще просыпается горечь от того, что деньги, которые мне и в жизни не сыскать, для завсегдатай “Элита” – это даже не средний счет по чеку.

Несправедливо. Но кто сказал, что жизнь вообще справедливая штука?!

Быстро избавляюсь от своей находки, как от ядовитой змеи. Заныкиваю ее обратно в карман и наконец сердце про-

пускает радостный удар, когда достаю именную ключ – карту Шахова...

Глава 10

Золотой прямоугольник – мой пропуск из его хором...

Разглядываю витиеватый вензель “Элит” и обращаю свой взгляд к двери. Вот она моя свобода... Отбрасываю мужские брюки в сторону и ищу свою одежду. Боюсь сделать лишний шаг, пока глазами ошупываю пространство на предмет моего потерянного нижнего белья.

Взгляд мечется по полу, но спустя минуту безрезультатных гляделок, я понимаю, что трусики не найти, как в прочем и бюстгальтер. Прикусываю губы, прикрываю на мгновение веки и набравшись храбрости иду к форме, которая валяется бесформенным серым кулем в углу.

Поднимаю измятое платье и взгляд царапает имя: Лида...

Почему-то улыбка появляется на губах. Грустная с примесью горечи. Мой первый мужчина даже не знает как меня зовут.

Хотя сомневаюсь, что “Лиду” он тоже вспомнит.

Наверяд ли.

Всего лишь обслуга. Будь то уборщица, или нечто иное – не важно. Шах получил в номер именно то, что заказывал. Не хочу вникать что именно пошло не так в моем случае. Целенаправленно ли направила меня Зуева на убой, или я просто попала из-за того, что проспала и не успела убраться из лоунджа до прихода его хозяина...

Это уже не имеет никакого значения. Шахов получил желаемое. Развлекся с девкой. Сколько таких у него было до, а сколько еще будет после меня...

Странно, но эта мысль шпарит похлеще кипятка, который брызнули на раскаленные угли. В глазах опять закипают слезы, но я оставляю себе возможность поплакать на потом.

Главное – это выбраться отсюда и больше никогда не возвращаться!

Напяливаю одежду, немного мешкаю, когда взгляд опускается.

– Черт возьми!

Пуговики на груди вырваны с корнем. Шах не сдерживался. Не в его характере. Варвар.

Кое как приглаживаю измятую материю на груди и одеваю на босу ноги мягкие туфли. Платье на голое тело я еще никогда не одевала. Но в данном случае мне не из чего выбирать. Приглаживаю дрожащими пальчиками материю на груди, но это не помогает. Вид у меня, как у девушки, с которой всю ночь кувыркались.

Сжимаю в руках ключ и опять смотрю в сторону Шаха. Почему у меня сердце в груди бьется с перебоями? Было все классно, как бы сказала одна из моих подружек, но во мне свербит что-то еще.

Я во все глаза смотрю на широкоплечего мужчину с бархатистой немного смугловатой кожей, рассматриваю литую фигуру, в каждой мышце которой мощь дикого агрессивно-

го зверя.

Я словно пытаюсь запомнить каждую его черточку, каждую линию, унести с собой этот образ, чтобы вычеркнуть из своей уже навсегда.

Мужчина из восточной сказки, Шах-Падишах...

И опять в груди просыпается безумное желание подойти к хищнику, который разлегся на огромной измятой кровати, упасть рядом и зарыться в смоляные густые волосы.

Агрессивная опасная красота. Аслан даже во сне не выглядит уязвимо. Кажется, что в любую секунду его ресницы дрогнут и он устремит на меня абсолютно трезвый острый взгляд.

Вот здесь включается уже чувство самосохранения. Ничего хорошего эта встреча мне не принесет.

Интуиция буквально кричит, что я должна спастись бегством! Времени критично мало.

Резко разворачиваюсь, заставляю себя не бежать. Я крадусь из номера, чувствую себя вором, на дрожащих ногах подхожу и прикладываю ключ-карту.

Щелчок замка слышится слишком громко в полной тишине и заставляет меня притаиться, задержав дыхание...

Секунда, другая. Прикрываю веки и боюсь, что тяжелая рука Шаха сожмет мое плечо до боли и развернет рывком, чтобы впечатать в золото его взгляда.

Но мгновения страха уплывают, и я выдыхаю, распахиваю веки и тихонечко давя на ручку. Дверь поддается. Откры-

вается!

Вот она моя свобода!

Я отбрасываю карту, она Шаху еще пригодится, чтобы покинуть свои владения. И прежде чем окончательно закрыть страницу, я вновь смотрю на мужчину.

– Прощай...

Неслышным шепотом с губ и я выбегаю наружу, лечу прочь от двери, за которой остается мой первый мужчина. Бегу так быстро словно за мной мчатся все псы ада, спущенные с поводков. Даже не задумываюсь, что у дверей лоунджа Шаха могла дежурить охрана...

Охрана!

Эта мысль бьет наотмашь. И я запинаюсь в собственных ногах, торможу так, что чуть не падаю и не проскальзываю носом по мрамору пола.

Нельзя себя вести столь опрометчиво. Застываю на месте и пальцы сжимаются в кулаки, пока я дышу через нос, успокаиваясь.

– Я должна вести себя, как обычно.

Проговариваю, чтобы услышать саму себя. У меня кровь к щекам приливает и адреналин зашкаливает. Слышу собственный пульс в ушах. Он барабанит так, что я перестаю слышать. Только пульсация крови и биение собственного сердца.

Дышу через нос и обращаю свой взгляд в потолок. Там в самом углу замечаю глазок камеры.

– Черт – черт – черт!

Меня словно ледяной водой окатывает. А ведь я не знаю, были ли камеры в лоундже Шахова. Занятное видео там будет. Щеки обдаёт жаром, а затем возникает здравая мысль, что вряд ли такой мужчина, как Аслан, позволил бы наблюдать охранникам или персоналу «Элита» за тем, как он развлекается.

Мало ли. Может, это компромат на бизнесмена.

Выдыхаю. Убеждаю себя, что мое грехопадение не было отснято на камеру, а затем вспоминаю, как копалась в его штанах, как в мои руки попали деньги...

Что-то отвратительно-предостерегающее срабатывает в мозгу. Как это все смотрелось бы со стороны и не показалось бы, что я просто краду у Шахова что-то?!

Щеки обдаёт жаром, а на спине выступают едкие ледяные капли пота. Чувствую себя мышонком, который полез за сыром и оказался в капкане. Неприятная ситуация.

Но что было, то было...

Не изменить...

Не хочу думать о плохом, не хочу даже мысли допустить, что могу чем-то, кроме своего бегства, не угодить Аслану.

Только вот скользкий червячок сомнения уже поселился в душе и на мгновение возникает даже мысль вернуться обратно, не убежать, объяснить, что все произошедшее – это нелепая случайность.

А если не случайность?! А вдруг кому-то понадобилось

тебя подставить?

Сразу же задает вопрос внутренний голос, и я выдыхаю:
– Не может этого быть.

Внутри барабанит интуиция и кричит: вернись к нему. Просто вернись к нему... Возможно, тебе удастся все объяснить. Возможно, Шахов тебя не убьет, узнав, что ночь ему скрасила не избранная девушка, а случайно подвернувшаяся под руку уборщица.

Но мимолетная слабость проходит.

Я не вернусь к тому мужчине. Как объяснить все то, что произошло? Как не нарваться на агрессию и жестокость? Это ночью Шах великолепный любовник, а поутру, что-то мне подсказывает, что я встречу жестокого и опасного мужчину, который не умеет прощать и о жалости даже и не слышал...

Отвожу взгляд от камеры и выпрямляю плечи.

Шаг сделан. Обратной дороги нет.

Я заставляю себя двигаться, идти вдоль коридора. И пусть какая-то безумная часть меня хочет вернуться к кавказцу, чтобы опять утонуть в его страсти, но другая отвечает, что лучи солнца развеют марево и я попаду под каток злости.

Я иду беззвучно и тихо. Везет, что никаких бугаев поблизости не наблюдается. Если бы кто из них засек мой забег, мое оцепенение под камерой, или вообще отследил, откуда вышла сотрудница клининга – я получила бы ворох вопросов, которые мне, безусловно, бы были заданы, а дальше – ничего хорошего.

Или, что вернее. Меня бы скрутили не спрашивая, что случилось, а разбирались бы уже потом и что-то от кадра, как меня приводят к Шахову со скрученными за спиной руками, словно преступницу, мне становится дурно.

– Успокойся, Поля, просто дыши.

Вспомнив о таком факторе как охрана, я заставляю себя оглядеться. Натыкаюсь на свое отражение в оконном стекле и торможу. Волосы!

У меня волосы распущены, что строго запрещено для персонала. По правилам «Элита» они должны быть убраны, чтобы не дай бог какой-то волосок не упал куда-нибудь и не расстроил клиента.

Заколок нет, резинок тоже. Поэтому я пользуюсь тем, что локоны длинные, и просто сворачиваю их на затылке и делаю жгут, завязываю их. Не знаю, как потом буду распутывать и смогу ли вообще обойтись без ножниц, но просто завязываю собственные волосы узлом.

Невелика жертва по сравнению с собственной шкуркой, которую пренебреженно Шах спустит, попадись я ему под руку.

Опять осматриваю помещение.

Бинго!

Цепляю со столика, который стоит в холле, парочку сложенных в столбик полотенец. Как нельзя кстати кто-то из VIP-гостей решил их заменить. Не знаю, кто их забыл, но сейчас это мне на руку.

Быстро прижимаю вовремя подвернувшиеся тряпки к груди, прикрываю недочет формы в виде сорванных пуговиц и глубокого декольте.

Светить голой грудью особо не хочется. Опасно.

Приклеиваю к лицу пришибленную отстраненную улыбку и надеюсь, что выражение у меня спокойное. Уже более мягким шагом поворачиваю, иду к лифту и именно там за углом натыкаюсь на верзилу кавказской наружности...

Мужчина, наверное, в объемах среднегабаритного шкафа и по форме такой же. Квадратный. Огромный. С ручищами-лопатами.

Мне необходима секунда, чтобы заставить себя разлепить губы.

– Доброе утро, – улыбаюсь дежурно и жму на вызов, пока мне в висок упирается цепкий взгляд-сканер, который я буквально ощущаю кожей.

Рядом появляются еще два амбала. Один страшнее другого. И я не про внешность. Просто энергетика у мужчин такая, что можно табличку писать – “Не подходи, убьет и глазом не моргнет”. Они также бросают взгляды в мою сторону. Часовые, что ли?!

Стараюсь не думать об этом всем и терпеливо жду лифт.

Секунды сменяют друг друга, а я ощущаю, как у меня кожа покрывается потом. Липким. Сковывающим. Между бедер все тянет. Я не принимала душ и сейчас от меня может разить сексом за километр, или у страха глаза велики, но

именно сейчас я слишком ярко ощущаю, что под платьем обнажена и уязвима. Трусики и те остались у Шаха.

Каким-то чутьем чувствую, что пронизательный охранник присматривается ко мне, но так как никаких указаний относительно женщин он не получал – не трогает...

Везет, что один из новоприбывших охранников, наконец, нарушает тишину и что-то рассказывает. Язык чужой, поэтому мне остается только догадываться, о чем он говорит. И не предлагает ли прибить меня прямо здесь и сейчас.

Мужчины резко смеются. И я опять прислушиваюсь. Все тот же незнакомый язык, на котором общался Шахов. Я уже начинаю его различать. Не слова, конечно, а просто понимаю, что эти ходячие киборги кавказской наружности говорят на том языке, что и Аслан.

Мягкий звук прибывшего лифта звучит спасительным колоколом. Я заставляю себя медленно войти внутрь и развернуться лицом к дверям, рука тянется, чтобы нажать на нужную кнопку, но...

– Эй... – короткий окрик верзилы заставляет оцепенеть. Упираю взгляд в подозрительного кавказца и поднимаю бровки домиком.

Надеюсь, что мой взгляд выглядит достаточно вопросительным.

– О, как раз вовремя.

В следующую секунду в меня летит полотенце, которое я машинально хватаю на ходу.

– Ты ведь белье несешь, вот это тоже прихвати, крошка. Не трудно ведь?!

Задает вопрос и темные колючие глаза лишь на мгновение меняют выражение на снисходительное.

Опять улыбаюсь и проговариваю:

– Конечно, никаких сложностей, парни, – бряцаю по кнопке и наблюдаю, как створки отрезают меня от наблюдательной охраны Шаха.

Думаю, ни один из них даже в страшном сне не мог бы представить, что их босс провел время в обществе уборщицы. Ни в жизни не поверили бы эти бравые ребятки, что я могла выйти из лоунджа Аслана, отработав с ним ночь во всех позах.

Судя по всему, все входы на этаж у охраны на контроле. А кто я и где убирается, им явно по барабану. Узкая форма не оставила места для воображения и оружие мне прятать было негде.

Поэтому повезло. Впервые. Жаль, нет на мне ничего своего, а то бы обозвала эту вещь “приносящей счастье” и не снимала бы.

Лифт открывается, и я чуть ли не вылетаю из него. Несусь в сторону рабочих помещений, залетаю в раздевалку и буквально врезаюсь в свой шкафчик. С размаха прикладываюсь плечом, вскрикиваю.

Выгребаю свои вещи, скидываю чужое платье и одеваюсь. Джинсы неприятно липнут к бедрам, все тело печет от пота,

а щеки опалает краской, когда я смотрю на следы на внутренней стороне бедра.

Разводы более чем очевидно говорят о том, что я больше не невинна. Более того, меня всю заклеямили чужим запахом, оставили отметины, лишний раз демонстрирующие необузданность мужчины, который взял у меня то единственное, что я хранила.

– Что же мне с этим всем делать...

Опять вопрос в пустоту, на который ответа нет, о проблемах после ночи с Шахом я предпочитаю подумать потом, когда буду в относительной безопасности.

Наконец, заканчиваю со своей одеждой и выбрасываю испорченное платье на пол. Беру свой рюкзак, надеваю легкую курточку и выхожу. Я решаю покинуть «Элит» не прощаясь.

Идти к Зуевой и требовать моральную компенсацию или причитающиеся мне деньги – самоубийство. Тут либо менеджер меня специально подставила, подослав к Шахову, потому что другая девочка угодила в больницу, либо я из-за своего опоздания не успела вовремя исчезнуть из владений Шаха и другая – настоящая сотрудница, просто осталась ни с чем, ведь номер его был закрыт. Видимо, хитрая система ключ-карты, которая могла и не сработать, если Шахов хотел уединиться для развлечений.

Мало ли.

В любом случае об этих проблемах я подумаю, когда буду в безопасности. Выбегаю из стафф-рума и стараюсь не бе-

жать, когда прохожу постового охранника у черного входа, неожиданно меня оглушает:

– Полина!

Оборачиваюсь, встречаясь взглядом с Игорем. Немолодым мужчиной, который, тем не менее, сверлит меня профессиональным взглядом охранника.

– Ты распишись хоть.

Опускает взгляд на бумажку и ручку, которую персонал обязан заполнять перед тем, как покинуть «Элит».

Очередное правило.

– Ой...

Говорю, нацепив на лицо измученную улыбку, губы от напряжения просто не слушаются уже.

– Перерабатываешь ты, Журавлева, молодая девка, а вкалываешь, как мужик, нашла бы себе кого, чтобы не так упаваться. Вместе все же проще в жизни, чем порознь...

Вещает охранник, пока я быстро ставлю роспись и, ответив что-то невнятное, поворачиваюсь и спешу на выход.

Добротная железная дверь поддается с легкостью и закрывается за спиной, отсекая меня от сумасшествия, которое произошло в моей жизни. На миг застываю у выхода, прикрываю веки и подставляю лицо под холодный порывистый ветер, прихожу в себя.

Вот и все, Поля, тебе удалось...

Удалось убежать...

Только сердце в груди не отбивает радостный ритм. На-

оборот. Какая-то непреодолимая сила тянет обратно. Хочется развернуться и лететь к Шаху, упасть на кровать рядом с женщиной и опять потерять голову от его безжалостного ритма, от напора, от чувственного удовольствия, которое он умеет дарить...

«Наивная идиотка, – отвечает голос разума, – он разорвет тебя на маленькие части, как только узнает, кто был рядом...»

Карета превратилась в тыкву, а восточная сказка кончилась, не начавшись. Смирись!

Выдыхаю тяжело, открываю глаза и взгляд цепляется за внедорожники, которые словно окружили периметр «Элита». Почему-то я не сомневаюсь, чья это охрана.

Очередной кавказец бросает на меня взгляд вскользь. Незаинтересованный, но, тем не менее, оценивающий.

Я отворачиваюсь и поднимаю ворот куртки. Пусть думает, что мне холодно и так я защищаюсь от порывов ветра, а не скрываю свое лицо...

Пока шагаю по просыпающимся улочкам, думаю о многом, но ясно становится одно. В «Элите» я больше не работаю.

Не знаю, почему задумываюсь о том, смогут ли меня найти по паспорту, но прописка у меня не столичная, так что не найдут, не поедут же в мой Мухосранск на поиски той, кто посягнула на тело Шаха, хотя вряд ли мужчина наутро вспомнит очередную девку, с которой провел ночь.

Развлекся и хватит.

Правда, пару человек знают адрес моей съёмной конуры...

Отмахиваюсь. Бред полный. Я не нужна Шахову, чтобы еще и искать...

Пока бреду по улице, думаю, что останься я в номере, пришлось бы получать деньги за отработанное. Мерзко и обидно. Подобного унижения я бы уже не выдержала. Не нужно этого.

Сейчас у меня остается маленькая сумасшедшая сказка с открытым финалом. Все-таки лишиться девственности в объятиях этого мужчины в лучшем лоундже «Элита» куда приятнее, чем все то, что ждет меня впереди.

Быстро иду к остановке. В кармане куртки позвякивает мелочь. Пока жду желтенький рейсовый автобус, ветер обдувает со всех сторон, и я очень радуюсь, когда вижу, что подъезжает нужный номер. Быстро поднимаюсь по лестнице, выковыриваю из карманов последние гроши, оплачиваю проезд и сажусь у окна.

Прикидываю, сколько денег осталось на карточке. Есть совсем крохотная сумма, припасенная на черный день. Только все мои дни один чернее другого. Интересно, когда выскребу последнее? Прикидываю, откуда могу еще достать денег для операции.

Глухо. Разве что иди и банк грабь. Или себя продавай. Хотя этот пункт, кажется, уже пройден этой ночью. Меня при-

няли не пойми за кого и обещали щедро заплатить.

Эти средства сейчас бы сильногодились, но мне легче отрубить себе руку, чем взять у Шаха оплату своего труда, так сказать.

Глаза печет, как, впрочем, и тело. Кожу неприятно тянет, но то, что чувствую физически, ничто по сравнению с той обреченностью, которую испытываю.

Я не получила аванса. Денег, чтобы послать отцу, нет. Хорошо, что за квартиру заплачено и на ближайшие две недели мне не нужно думать, где найти лишнюю копейку, чтобы заплатить за каморку, которую снимаю.

Подбадриваю себя из последних сил, чтобы попросту не разрыдаться в заполняющемся пассажирами автобусе.

– Девушка, у вас все хорошо?

Не сразу понимаю, что старичок, сидящий напротив, адресует свой вопрос мне. Встречаюсь с внимательными блеклыми глазами.

Выдавливаю улыбку и просто киваю. Сил на ответ нет. А рассказывать незнакомцу свою историю я не собираюсь. Стыдно.

Да и не поверит мне никто.

Наконец, автобус останавливается, и я прохожу еще добрых пару остановок, чтобы добраться до нужного дома.

Прямого рейса из центра в эту часть города нет, а на то, чтобы поменять транспорт, у меня попросту нет мелочи.

Старая обшарпанная хрущевка привычно встречает запа-

хом гнили и смрадом испражнений, я подхожу к красной двери еще совковых времен с облупленной краской, отпираю замок.

Захожу в квартиру, расположенную на первом этаже, прикрываю за собой дверь и...

Меня накрывает. Истерика подкатывает и душит рыданиями, я глотаю слезы, дышу через раз, но звонок мобильного прерывает поток самобичевания.

Смотрю на номер и сердце сковывает болью. Делаю пару глотков воздуха, слизываю соль с губ и стараюсь ответить как можно спокойнее.

– Алло, мам...

– Полечка! Почему голос такой хриплый? Доча, что случилось?! Заболела?!

– Все хорошо, просто насморк.

– Температура есть? – обеспокоено спрашивает.

– Да нет, просто сопли и голос чутка подсел, а так уже все прошло. Ну, почти. Как папа, как вы там? Что говорят врачи? Мне обещали аванс, – вру. Не будет никакого аванса, но рассказать матери о том, что случилось, не смогу никогда.

– Я как раз поэтому и звоню! Полечка! Не нужно никаких подработок, ты и так вкалываешь, доченька моя. Чудо произошло. Просто чудо.

Резко выпрямляюсь и обращаюсь вся в слух. Не бывает в этом мире чудес и случайностей. А если и бывают, то платить за них приходится собственной шкуркой.

– Что случилось, ма?

– Помнишь Платона Ермоленко, он с отцом твоим работал?

– Смутно, – отвечаю слегка поморщившись.

Припоминаю какого-то лысоватого мужичка, вечно прикрывающего плешь кепочкой.

– В общем, у него в машине стоит видеорегистратор. Оказывается, в тот день он его не выключил. Забыл, а машина стояла на парковке, аккуратно перед тем местом, где с папой несчастье произошло. Он в тот день приехал, документы в офис заносил и близко припарковался. Не суть. Главное то, что он отцу передал видео, а там все видно! Все нарушения! Я с этой записью к главному пошла, инженеру их, сказала, что в полицию отдам запись, испугались они, Полечка. Сразу всю страховку оформили так, что папу сегодня же оперируют. Прямо сейчас. Понимаешь, Польш?!

– Честно говоря, не совсем, – отвечаю заторможенно, голова раскалывается, – с чего такая доброта, а вдруг они чего плохое сделают, специально навредят?! Мало ли. Может, от свидетеля так избавиться хотят?!

– Боже, Полечка! Откуда такая недоверчивость?! Эта столица с такими законами жестокими, значит. Ты же у меня светлый добрый человек. Почему думаешь о таком?! Тяжко тебе приходится там, да?

Если бы ты знала, мам...

– Я просто беспокоюсь. То они в сухой отказ шли, а сейчас

вот кардинально изменили свое мнение, а вдруг...

– Ничего не сделают, дочка, более того – всю компенсацию выплатят! Не только лечение, но и то, что полагается отцу по закону. Сумма немаленькая, мы теперь нормально жить будем. Им выгоднее от нас отвязаться, нежели огласить нарушения. Там у них проблемы. Конкуренты есть, в этой войне им не нужно, чтобы их недочеты всплывали, поэтому легче человеку лечение оплатить, нежели миллионы терять...

– Антонина Сановна... – слышу посторонний голос.

– Ну как там, доктор?

– Операция прошла успешно.

– Поля, мне пора, это врач. Все дочка, выдыхай. Хорошо все!

Мама отключается, а я смотрю на погасший дисплей. Радость имеет привкус настороженности, но все же я прикрываю глаза и опираюсь затылком о холодную дверь позади меня.

Папа выкарабкается. Это сейчас самое главное.

Встаю и разубаюсь, сдираю с кожи прилипшие джинсы и закидываю всю одежду в стиралку. Хочу стереть все следы Шахова с моего тела и жизни. Жаль, воспоминания так же не заглушить, а память не промыть.

На слабых ногах иду в душ, долго вожу губкой по воспаленной коже, замечаю следы от его щетины, и кожа идет мурашками только от одного короткого воспоминания того, как

до одури приятно чувствовать мужские губы и острую ласку.

Выбираюсь из ванны, сил нет ни на что. Обматываюсь полотенцем и как есть падаю на старенький продавленный диван, который служит мне кроватью. Постель свою даже не застилаю. Меня вырубает молниеносно. Я упываю в глубокий сон без сновидений. Давно я так не высыпалась, но просыпаюсь я от страшного стука и трезвона...

Кое-как соскребаю себя с дивана и босыми ногами шлепаю к входной двери. Заглядываю в глазок и обмираю. Не думала, что увижу Алевтину Михайловну так скоро.

– Отпирай! Журавлева! Открой! Что ты там делаешь?! Знаю же, что дома. Ключ в замке! Чем занимаешься в моей квартире, что хозяйку не впускаешь?!

Кричит на весь дом, а меня так и подмывает ответить. Нет меня! И морду лица вашу одутловатую я не хочу видеть еще как минимум две недели!

– Открой!

Рявкает так, словно знает, что смотрю на нее в глазок. Сердце опять наполняется предчувствием, но не открыть не могу. Попросту потому, что знаю – у хозяйки квартиры имеются ключи, а начинать разговор со ссоры не хочется.

Делаю оборот ключа в замке и распахиваю дверь. Женщины не ждет ни приветствия, ни приглашения.

– Чего здесь творишь? – проговаривает с порога и, отодвинув меня, проходит внутрь старой обшарпанной халупы, которой я, как могла, придала уют. Попыталась отмыть, но не

слишком преуспела, правда. Обои кое-где просто держались на соплях, потолок в желтоватых пятнах показывал нечистоплотность верхних соседей.

– Так-так-так.

Алевтина Михайловна, не разуваясь, проходит вглубь своих владений с лицом королевы, снизошедшей до простых смертных, заходит в единственную комнату – гостиную – спальню, затем идет на кухню. Бесцеремонно принимается открывать шкафы, а я в полном шоке наблюдаю за тучной дородной женщиной в ярко-сиреновом платье и черном бархатном пальто. Вид затрапезный, нафталиновый, с ярким уклоном в сторону буржуазии. Не хватает только широкополой шляпы и гипюровых перчаток для полноты образа мадам.

– Вот говорили мне не связываться с лимитой. Не верила. Все доброта моя...

Не очень понимаю, что именно женщина бурчит под нос, долетает только ее явное недовольство.

Следующим осмотру подвергся туалет со сломанным бачком. Сломанным не мной, кстати.

Закончив свое расследование, женщина, наконец, оборачивается ко мне. Окидывает мой внешний вид неприязненным взглядом и мне становится не по себе. Я стою в одном полотенце перед полностью одетым человеком, что вызывает неприятные чувства, демонстрирует мою уязвимость. В то время как женщина с явным омерзением скользит по

моей почти обнаженной фигурке взглядом. Оценивающим. Неприятным. Липким. С примесью зависти. Ярко подведенные сурьмой глаза останавливаются на моих длинных волосах, которые я обычно держу собранными.

И без того узкие губы женщины с ярко-морковной помадой поджимаются.

Глава 11

– Бурные ночи, смотрю, проводишь, Журавлева. Правильно мне Фоминична говорила. Гнать тебя надо поганой метлой и квартиру сдавать достойным людям! А у тебя, поди, тут притон организован. Соседи на шум жалуются. Мужиков, небось, водишь. Вона как все тело в следах! А я-то по доброте своей жильё проשמандовке сдала. Тьфу ты! Смотреть на тебя не могу. Оденься! Похабница!

От такого нефильТРованного потока у меня рот в шоке открывается.

– Алевтина Мудая... – чуть не ляпаю прозвище злостной бабенки, но вовремя поправляю себя, – эээ... Михайловна, вы в своем уме?! Что вы такое говорите?

– Говорю, что все! Хватит! Чтобы ноги твоей здесь не было с хахалями твоими!

– В смысле?!

Задаю вопрос, пока мозг еще обрабатывает информацию, не в силах переварить истеричные выпады ненормальной.

– В самом прямом! Квартиру освободи. Я тебе жильё по скидке сдавала, а мне нормальную цену предложили. Людям срочно надо, так что чтобы завтра утром я пришла и тебя здесь не увидела!

– У меня квартира наперед оплачена, вы в своем уме?! Куда я пойду?!

– Меня не волнует. Скажи спасибо, что время на сборы даю, а не ментам сразу звоню со своими подозрениями!

– Какими подозрениями?!

Переспрашиваю, хотя адекватностью здесь и не пахнет. Только жажда наживы и мой прокол, что я не заключила договор по аренде с хозяйкой.

– Что ты промышляешь тем самым, – делает большие глаза и смотрит многозначительно.

Так и хочется спросить “чем тем?”, но разум вовремя включается. Тут решение уже принято, а я на птичьих правах. Не доказать же, что все уплачено. Расписок нет, ничего нет. Мое слово против ее. А общаться с полицией мне как-то не хочется. Не после того, что произошло в лучшем лоундже «Элита».

От воспоминаний становится горько. А ведь Алевтина Мудаевна в чем-то права с позиции искривленных зеркал, я ведь провела ночь с мужчиной, который также принял меня за “ту самую” представительницу древней профессии.

От мыслей становится слишком тошно.

– Я хозяйка и в своем праве! – как гончая, взявшая след, выпячивает грудь пятого размера и готовится меня выживать всеми способами.

Не отвечаю больше ничего. Смотрю в размалеванное лицо нафталиновой старухи. Есть такие злыдни. Ничего общего с моей бабушкой, которая осталась в воспоминаниях доброй женщиной, подкармливающей меня разными пирожками.

Теплое воспоминание из далекого детства вспыхивает лучиком добра и затухает от слов Алевтины Мудаевны.

– Время до утра! Ключи сдашь Фоминичне! На этом все! Вздумаешь мне нагадить под конец, имей в виду: у меня есть копия твоего паспорта, а зять мой в прокуратуре работает! Если что – из-под земли достану!

Гаркает так, что у меня уши закладывает, затем разворачивается и выходит, прикрыв за собой дверь, а я валюсь обратно на диван и пустым взглядом смотрю на шкаф, выдавший свои лучшие годы разве что в эру совка.

Злость и обида поднимаются в груди. Денег нет. Работы нет. Да еще и эта “домомучительница” решила сыграть свою роль в том, чтобы окончательно выбить почву из-под моих ног. Даже если бы я захотела в отместку навредить Алевтине Михайловне – здесь ломать нечего, как, впрочем, и брать.

Слезы обжигают глаза, становится горько и обидно.

Надеваю свои домашние вещи, собираю волосы и топаю на кухню. Я не помню, когда я ела в последний раз, но открыв холодильник, в котором даже останков повешенной мыши не осталось, я достаю староватый сухой творог и принимаюсь его жевать, завариваю зеленый чай – говорят, тонизирует, но не помогает особо.

Дышу тяжело, жую, просто заставляю себя делать хоть что-то, чтобы не упасть в истерику. Наконец, беру телефон и звоню своей единственной подруге в мегаполисе.

Дышу тяжело, жую, просто заставляю себя делать хоть

что-то, чтобы не упасть в истерику. Наконец, беру телефон и звоню своей единственной подруге в мегаполисе.

Пока жду ответа и считаю гудки, вожу пальцем по стеклу. На улице зарядает дождик, барабанит по окну. Трезвонит весело.

Тук-тук-тук...

Прикрываю веки и пытаюсь успокоиться. Подруга долго не берет. Отключаю и сжимаю телефон в руках. Не знаю, что делать. Как быть дальше. И от внезапной трели чуть не подпрыгиваю. Смотрю на дисплей и отвечаю на звонок.

– Привет...

– Журавлева, чего стряслось?!

Задаёт вопрос сразу же, как только слышит мой подавленный голос.

– Даже не знаю, с чего начать, – отвечаю с горькой иронией.

Не рассказываю о всем том, что у меня случилось, ограничиваюсь лишь инцидентом с Алевтиной Михайловной.

– Вот дрянь первосортная эта твоя “домомучительница”, – выговаривает зло и с шумом выдыхает Таня, а я словно наяву вижу, как сдувает рыжий локон со лба.

– Значит так, Журавлева. Дуй ко мне. Кстати! Как раз соседка моя пакует чемоданы, вроде уже и хату нашла, будет со своим парнем съезжаться. Ты вовремя позвонила. Я-то думала кого искать, чтобы вместе за съём платить, не думала я, что твоя Мудаевна окончательно крышей поедет, но тут ты,

считай, в шоколаде. Вовремя я тебе подвернулась, – звонкий смех Таньки немного поднимает настроение и заставляет улыбнуться.

Она такая. На позитиве. Веселая. Смешливая. Легкая на подъем.

– Хотя какие-то положительные новости за последние сутки, – проговариваю, тоже улыбаясь.

– Что-то мне твой тон не нравится, Польша. Случилось у тебя чего? Кроме твоей Алевтины Мудаевны, я имею в виду.

Прикусываю губу, не собираюсь я все по телефону выкладывать, просто молчу.

– Тихо что-то, Журавлева. Как там в песне завывают? *Не молчи... трам-пам-пам*, – напевает хитовый мотивчик.

– Тань. С тобой не соскучишься.

– Да чего скучать, Польша. Жизнь одна. Так что все будет хорошо в конце концов, а если этого “хорошо” не видно – значит, не на тот конец смотришь!

Заявляет со всей серьезностью, и я не выдерживаю, хохочу, прижимая трубку к уху, чтобы не уронить в угаре телефон.

– Ладно, Журавлева, давай молча собирай свои манатки и дуй ко мне. Адрес знаешь. Приедешь – готовься к экзекуции! Буду выбивать из тебя информацию.

– Хорошо, – соглашаюсь с легкостью.

Готовлюсь уже отключиться, как Танька напоминает:

– Только платить придется вперед хозяйке, ну и она с тебя

депозит выцарапает. Сама знаешь. Тут в столице фейс-контроль, который мы – понаехавшие, не проходим.

Говорит вроде и грустные вещи, но я опять улыбаюсь. Но недолго. Улыбка сползает с лица сразу же, как вспоминаю, как у меня с деньгами. Туго. Их нет.

Мысленно прикидываю, что могу сделать.

– Ладно. Приедешь – обсудим, – вздыхает Таня и отключается, а я принимаюсь собирать свои вещи. Их не много. Один чемодан одежды. Остальное книги и учебники. Учится на заочном, кто бы что ни говорил, сложнее, чем на очном, слишком много приходится изучать самому.

А я, честно говоря, в последнее время не успеваю ничего читать. Как-то некогда, когда работаешь без продыху. Раньше таскала конспекты с собой, чтобы хоть в автобусе почитать, но пару раз я просто засыпала, уткнувшись головой в стекло, проезжала свою остановку, так как уставшая не могла справиться с дремой, которую навевал сухой безэмоциональный технический текст.

Пока собираюсь, время показывает уже глубокую ночь. Проверяю кредитную карточку в моем кабинете на телефоне. Баланс показывает, что моих накоплений на самый черный день хватит на оплату разве что такси. Еще раз смотрю из окна в густую ночь.

Дождик накрапывает все сильнее. Не хочется тащиться еще и с чемоданами до автобусной остановки. Все же не знаю, успею ли на последний рейсовый автобус, да и подхва-

тить насморк не хочу.

Ну и, разумеется, не забываю, что район здесь не самый благополучный.

– М-да... куда ни глянь, как говорится...

А вообще с моей удачей я наткнусь еще и на маньяка и это будет кульминацией самого неудачного дня в моей жизни. Хотя...

Вереницей кадров перед глазами проскальзывает ночь с Шахом. Щеки опять обдает жаром. Теперь мне суждено вспоминать его изо дня в день.

Ударяю рукой по подоконнику.

– К черту. Гулять так гулять!

Тыкаю и вбиваю адрес подруги. Вызываю такси и смотрю на таймер, отсчитывающий, когда именно подъедет автомобиль. Накидываю легкую курточку и без сожалений бросаю взгляд на каморку, в которой ютилась весь последний год.

Сожалений нет! Скучать не буду!

Клоповник!

Закрываю дверь на ключ, осматриваю бывшие владения с едким омерзением, разворачиваюсь на пятках и смотрю на дверь напротив.

Кажется, стукач Алевтины Мудаевны бдит. Делаю пару шагов, протягиваю руку, но еще до того, как успеваю позвонить, дверь открывается и в щелку на меня смотрит дряхлая старушенция в затрапезном халате болотного оттенка в кашечных разводах.

Право слово, постирала бы. Бабулька смотрит на меня из-под густых кустистых бровей, шамкая беззубым ртом с протезами.

Удовольствие лицезреть Фоминичну сомнительное. Гроза всего дома, видимо, так же не вспылала ко мне любовью с первой нашей встречи, когда меня угораздило поприветствовать соседку с улыбкой. Любящая клеить ярлыки на всех жильцов, если они ей не нравятся, а они ей поголовно неприятны – невзлюбила меня пуще всех остальных девиц легкого поведения, которые, по убеждению Фоминичны, решили избрать центром дислокации именно этот обшарпанный подъезд.

Меня эта премилая бабуса с ячменем на глазу невзлюбила с первой секунды. Уж не знаю, за какие такие выдающиеся заслуги на поле блуда.

– Ишь! Я вот знала, что должна бдеть! На ночь глядя решила сбежать! Куда собралась без проверки? Я все Алевтине скажу! Прикрывать вас, шалашовок, не будууу.

УУУ – это ее похоже на подвывание выдры в период случки. Мне почему-то вспомнился поход в зоопарк. Было бы смешно все это. Да. Если бы не так грустно.

– Куда, говорю, ночью-то собралась?

Задаёт вопрос скрипучим мерзким голосом, а я вскидываю с иронией бровки. Улыбаюсь мило. Есть оружие против таких. Спокойствие и равнодушие.

Бабке мое молчание не нравится.

– Чего молчишь?!

Что и требовалось доказать. Вопрос не заставил себя ждать.

– Знаем мы таких... видали... вона внучок мой ненаглядный на вот такой вот лимите женился... Всю плешь ему проела, дрянь такая, к родной бабуле перестал приезжать мой ненаглядный... неизвестно, чем кормит женушка его. Исхудал весь...

Это, на секундочку, она про бритоголового упыря стокилограммового с внешностью настоящего рецидивиста говорит.

Помню, как однажды столкнулась с дитяtkом на лестницах и как мне вот этот золотой мальчик пройти не давал.

Зажал у стены и жвачку свою жевал, гоняя на языке с хлюпким звуком. Пока глаза водянистые осматривали мою трепыхающуюся фигурку.

– *Ничо такая. Че делаешь вечером? Могу заглянуть. Одиночество скрасить, гыыы...*

Передергивает от одного накотившего воспоминания. Не помню, как мне удалось тогда от него убежать и юркнуть в квартиру, закрывшись на все замки.

На мою радость, скоро Витек обзавелся девушкой. Как там говорят, на каждую кастрюлю своя крышка, так вот эта “крышка” всех быстро и разом построила. Скандал с Фоминой на весь двор был.

Воспоминания развеивает крякающий рык:

– С дороги уйди!

Бурчит бабулька и шаркает в мою сторону, а я смотрю на ее тапки с крокодилами и премило улыбаюсь.

Две раззявленные пасти бедолаг, угодивших под стопы Фоминичны, видимо, беззвучно орут, требуя спасения, которое они, скорей всего, найдут на мусорке, если бабулька сжалится и все же выбросит тапки с несчастными мордами крокодилов.

– Говорю, куда собралась. А?!

Издает Фоминична воинственный клич племени “Зоркий глаз”, временно украшенный ячменём, так что про зоркость здесь явно лишнее, и я, наконец, отвечаю:

– Съезжаю я.

– Давно пора. Ключи давай.

Каркает и я протягиваю злой старушенции свой экземпляр.

Выхватывает связку из моих рук как-то бодренько. Шаркающей походкой проходит дальше. А до меня, наконец, доходит, что какашечные кляксы на выцветшем халате ничто иное, как ужасающий принт с когда-то розовыми павлинами.

Хочу быстрее распрощаться.

– Счастливо оставаться! Алевтине Муда...хм... Михайловне мой пламенный привет!

– Не спеши. Мне хозяйка квартиры наказала, чтобы я лично все проверила перед тем, как тебя, неблагодарную, отпустить на все четыре стороны. Знаем мы вас, лимитчиц пред-

приимчивых!

Закатываю глаза. Даже говорить на это ничего не буду. Чего людей разочаровывать и не соответствовать их убеждениям.

– Все, что плохо лежит, норовите сцапать! – не унимается вредная бабулька, пока копошится в замке как заправский взломщик.

– Я депозит оставляла на случай порчи имущества, – напоминаю спокойно общеизвестный факт. – Кстати, мне его не вернули. Хотя должны.

Знаю наперед, что никто мне ничего не отдаст. Придумает чего Алевтина.

Есть такие злыдни. Они без повода просто ненавидят. Вся детвора дома для них будущие рецидивисты, а девушки – носительницы клейма эскортниц. Я давно это поняла. Поэтому отношусь с юмором. А как иначе?

Если хочется плакать, так смейся до слез. Если можешь, конечно.

– Ишь, как заговорила!

Вот вызывают у меня чувство умиления такие злыдни.

– Про деньги ничего не знаю! Мое дело проверить! – горланит старушенция и, наконец, отпирает дверь, проходит внутрь, а я бросаю взгляд на дисплей. Время прибытия автомобиля две минуты.

Слышу шаркающие шаги бабки по комнате, она сейчас, видно, повторяет маршрут Алевтины Мудаевны.

Ну-ну.

Не жду вердикт злой бабульки, просто срываюсь с места и бегу прочь. Открываю дверь и вылетаю на улицу.

Стоит подъездной двери с грохотом захлопнуться за спиной, меня обдувает холодным неприятным ветром. Вздрагиваю и передергиваю плечами. Одинокий фонарь мигает. То зажигается, то гаснет, как в лучших фильмах ужасов.

Как там у классика? “Ночь, улица, фонарь...” ни одной живой души. Все словно вымерли и пренеприятный дождик моросит, заползает под ворот куртки.

В то время как синоптики обещают скорое потепление и заветные теплые деньки, погода гарантирует холод и слякоть.

Где-то вдаль жалобно воет кот, видимо, бедному животному кто-то наступил на хвост.

Страшно становится. Совсем теряюсь и опять смотрю на дисплей телефона, отслеживаю маршрут такси, машинка стоит в пробке на дороге. Двигается со скоростью черепашки. Отбиваю ритм, ударяя ступней о сколотый асфальт.

Хочется вернуться обратно в подъезд, отдающий смрадом, но зато теплый. Однако наличие злой бабки в моей бывшей съемной квартире отгоняет подобное стремление. Уж лучше здесь в холоде, чем там...

Наконец, на дисплее высвечивает надпись, что машина прибыла и ожидает на месте. Одновременно с этим рядом останавливается желтенькая потрепанная иномарка с шашечками.

Все же вариант эконом не предполагает лоска и шика, но не ожидала, что машина будет в столь плачевном состоянии: с битой задней дверью и скотчем на окне.

Такое корыто вообще имеет право пассажиров перевозить?!

Рассматриваю автомобиль, преисполненная сомнениями. Отменить заказ уже не могу, деньги спишут с карты и не докажешь ведь, что виной всему само такси. Да и погода откровенно оставляет желать лучшего, как и мое самочувствие. Тело начинает ломить нестерпимо. Как при жаре. На автомате трогаю свой лоб и мне кажется, что он ледяной.

Ничего хорошего. Плохие симптомы. Плавали. Знаем. Если температура еще не поднялась, то через пару часов меня сломит жаром и тошнотой.

Пока я стою в нерешительности, водительская дверца открывается со скрипом и из битой иномарки выбирается мужичек – маленький и щупленький. С огромным носом и надвинутой на глаза кепочке с узким козырьком.

– ДЭвушка. Такси ты вызывал? – спрашивает с жутким акцентом, скептически окинув взглядом мою щуплую промокшую фигурку.

– Да, – отвечаю стойко. Решаю, что хуже, чем есть, быть уже не может. На маньяка мужичек не тянет, да и мы в разных весовых категориях. Я выигрываю. Да-да. Водитель такси ниже меня ростом на полголовы. Кожаная курточка выцвела. Вероятно, когда-то была коричневой. Сейчас в ка-

ких-то песочных оттенках и белых пятнах. Так бывает, когда носишь вещь не снимая. У папы такая была. Он в ней в гараже пропадал. Лет двадцать, наверное, служит исправно.

– ЧЭмодан куда класть будЭм? – мужичек задает вопрос и тянет руку. Помочь хочет, а я смотрю на него и не понимаю, как он собрался мою кладь поднимать. Видок водителя такой, что кажется, дунешь – улетит. Правда, нос у него выдающихся размеров. Если что, он как якорь сработать может, или амортизатор.

– В багажник. Я сама могу.

– Нэт, что ты?! Сейчас помогу. НЭ жЭнское это дело тяжЭсти ноСит.

Надо же. Мужичек в моих глазах набирает недостающие сантиметры в росте. Я улыбаюсь мужчине и киваю, благодарю за помощь.

Как только водитель закидывает мои пожитки в автомобиль, юркаю внутрь салона. Тепло. Пахнет дешевым освежителем воздуха, напрягает скотч на окне, но в целом очень даже миленько.

Бросаю взгляд на стоящую на панели игрушку, которая поддакивает моим мыслям, когда мужичек садится за руль и с третьей попытки заводит свой драндулет.

Двигатель такси фыркает недовольно, вероятно, мечтая наконец-то уйти на покой на какой-нибудь металлолом, а я на всякий случай проговариваю молитву про себя. Хочется спокойно доехать до Таньки и просто вырубиться. Поспать,

надеясь, что все мои невзгоды останутся в прошлом. За закрытой дверью съемной квартиры и прозрачной люксовой вывеской “Элит”.

– Не заводится?

Горло болит. Ко всему прочему я, кажется, заболеваю.

– Машина звЭрь. СЭйчас поедем.

Ну-ну.

Надеюсь, не такой “зверь”, как в старом советском фильме. А то там один драндулет, как только хвалили, он глох насмерть...

– МалАдец! КрАсавиц мой!

Поддакивает мужчине своей ласточке, когда она, наконец, издает победный рык, двигатель фыркает уже иначе и такси начинает отъезжать и в этот миг меня обдает светом фар. Глаза слепит.

Оборачиваюсь и, прищурившись, преодолевая острую резь, подмечаю как у моего бывшего дома паркуются два черных тонированных внедорожника-гиганта.

Это не просто высокие иномарки. Это танки на колесах. Хаммеры выглядят агрессивно, опасно. Если не ошибаюсь, в переводе название машин означает “молоток”. Вот такие вот несуразные хищные металлические молоты останавливаются у подъезда. На том самом месте, где минутой ранее стояла я.

– Гля, какая тачка! Серый... Толян!

– Зачетная!

Слышу крики пацанят, которые свешиваются с окон, чтобы лучше видеть диковинные автомобили. В нашем дворе отродясь таких машин не видели.

Заблудились, что ли, водители?!

Ага. На пару. У обоих навигатор сдох. Бред.

Станный холодок проскальзывает по спине. Подобно скользкой змее, которая падает куда-то в районе копчика и сворачивается гнетущим ощущением надвигающейся катастрофы.

Я замираю, боюсь даже пошевелиться.

Дико. Жутко и страшно. Словно у меня за пазухой настоящая змея притаилась и стоит мне дернуться, как длинные ядовитые клыки пронзят мою кожу, лишая жизни, лишая всего...

Внедорожники с полностью тонированными стеклами не дают мне увидеть, кто же пожаловал в обычный спальный район столицы.

Может, все же маршрутом ошиблись?

Ну не вяжется подобная машина и старая побитая годами хрущевка.

Эти машины, скорее, из фильмов про богатых мафиози. Ну не знаю, кто может водить подобные громадные коробки. На них смотришь и то страшно до жути. Да и неудобные они, наверное, громоздкие, ни припарковаться, ни объехать затор.

«Да, да, Полечка, ты еще подумай и пожалей беднень-

ких, – поддакивает внутренний голос с иронией, – если ребята на этих тачках захотят – им враз всю дорогу очистят и парковочное место организуют».

Да сами водители будут бежать, только чтобы не подпасть под каток и не разгневаться мужиков на таких тачках.

Цокаю языком и заталкиваю интуицию куда подальше. Я даже не хочу допускать мысль, что эти молодчики за мной.

Ну нет у Зуевой таких возможностей, чтобы отправить по мою душу...

Хотя... мысль шпарит. А если?!

– Боже... нет... не может быть, – бормочу бессвязно. Догадка заставляет сердце забиться где-то в горле.

– Чего там гАВАришь. Машина – звЭр. Домчу до пункта назначения как вЭтер.

Привлекает мое внимание к себе водитель такси, о котором я уже успела и подзабыть. Я на секунду оборачиваюсь на мужичка и опять прилипаю к окну.

Я очень хочу узнать, кто же приехал в наш двор, чтобы развеять сомнения и убедить себя в простой истине – у страха глаза велики, а я вижу то, чего нет.

Ну кто я такая?! В принципе, Зуевой мне предъявлять нечего, я, так сказать, выполнила то, на что не подписывалась, но все же.

Что касается Шахова...

Ну убежала очередная девка не прощаясь. Не все же ему так своих пассий бросать, а то, что этот мужчина поступает

именно так, у меня почему-то сомнений не вызывает.

Лучше так. Бежать и оставить все в прошлом. Так легче.

Ставлю ладошки на окно, прижимаю лбом. Дождик моросит и мешает видеть все четко, но все же видимость неплохая.

Наконец, мои ожидания подтверждаются. Водительская дверь хаммера открывается и я замечаю, как на землю опускается нога в черных штанах, еще секундочка буквально и мужчина захлопнет дверь и окажется в поле моего зрения, но я не успеваю ничего увидеть, по закону подлости, который работает в моем случае идеально – такси, наконец, приходит в движение и как-то слишком шустро сворачивает за угол, а я как ненормальная продолжаю смотреть в окно, сворачиваю шею, чтобы увидеть, кто же пожаловал, но... ничего не вижу.

Только боковую стену дома с красной полоской краски понизу.

В негодовании ударяю кулачком по сиденью.

– Черт!

Я кусаю язык, чтобы не попросить водителя дать заднюю. Меня влечет назад. Хочется посмотреть, кто же пожаловал. Сердце бьется в груди, словно пойманная птица, мечтающая о свободе.

Заставляю себя отвернуться. Убираю пряди со лба. Температура поднимается быстро. Самочувствие ухудшается слишком стремительно.

Но в мозгу горит неудовлетворенный интерес.

Кто пожаловал? Или по чью душу, вернее?!

Чокнутая мысль зарождается ужасным подозрением, а что если...

Нет! Даже думать о таком нельзя!

Убеждаю себя, что это просто совпадение. Не может быть такого, чтобы эти два монстра были по мою душу...

А с другой стороны, что-то внутри кричит, что, возможно, я прямо сейчас каким-то чудом спаслась от беды.

А вдруг это был Шахов...

Только одно воспоминание о мужчине и у меня в горле все становится сухим, как в пустыне, а внизу живота, наоборот, расцветает жар.

Аслан...

Боже, сколько раз за ночь я кричала его имя, царапала сильную шею и взлетала в эйфории. Может быть, чтобы мужчина решил отыскать меня!

Но зачем? Зачем ему могла понадобиться случайная девка? Ведь я для него именно такая... Может быть...

Щелкаю языком. Ага. Шахов влюбился. Пришел искать свою Золушку. Только на этот раз беглянка уронила не туфельку, а посеяла трусы в его лоундже...

Эпично и неправдоподобно. Меня могут искать только для того, чтобы вкатать какую-нибудь неустойку за провинность, которую я не совершала.

Прикрываю глаза и откидываюсь на сиденье. Голова начинает пульсировать от боли, в висках ломит. Мне все сложнее

держат глаза открытыми.

Нужно будет у Таньки попросить что-нибудь от жара...

Это последняя здравая мысль проскальзывает и, наверное, я все же теряю сознание. Отключаюсь. Падаю в темноту.

Меня вытягивает из странного марева на грани горячего бреда.

Все в прошлом, Поля. Забудь его. Как бы там ни было, страница перевернута, а этот мужчина должен остаться в прошлом...

Только почему-то под сомкнутыми веками я отчетливо вижу чеканный профиль Шахова и его взгляд, когда он в моем воображении резко поворачивает голову и смотрит прямо мне в глаза.

Его резкие черты словно становятся более острыми. В глазах полыхает золотое пламя негодования, а пухлые губы с четкой белой каймой по контуру словно выдыхают мое имя...

А я слышу не Полина, а это странное “Айша”...

Глава 12

Шах

Давно меня так не вырубало. Пара суток без сна сказались. Плюс бурная ночь со странной девочкой... очень странной... да и еще по факту девственницей.

Стоит вспомнить, как глаза распахиваются резко. Смотрю на примятую подушку рядом в ожидании увидеть тонкий профиль и спутанные длинные волосы, которые так приятно охладили ладонь, когда я их наматывал на кулак во время озверелого секса, но постель пуста.

Присаживаюсь. Тело требует продолжения. Жажда не утолена, упираю взгляд в дверь ванной комнаты, ожидаю услышать плеск воды, поднимаюсь и иду в нужном направлении, не стесняясь своей наготы.

Все, что могла, Лида ночью уже не только видела, но и прочувствовала. Уже думаю, что присоединюсь к красоте. Ожидаю увидеть ее нагую, в капельках воды и дыхалку непривычно сдавливает.

Никогда еще ни одна девка из заказа не вызывала желания спать в одной постели.

Но с Лидой все чертовски неправильно. И даже имя у нее неправильное какое-то. Ей совершенно неподходящее. Скорее, псевдоним напоминает по типу “Жанна, Альбина, Ма-

рианна”, эскортницы называют себя разными именами и кто есть кто я не запоминаю.

А вот режущее слух имя “Лида” запомнил.

Даже не так.

Аийша...

Живая... Наполненная жизнью. Настоящая...

Никогда не давал имена своим девкам. Лица разные. Уровень и класс подходящий, а дальше дело техники.

Но стоит распахнуть дверь, как все мысли выветриваются. Ванная пуста. Ни одного намека на то, что сюда заходили. Не очень понимаю, что ищу, но захожу внутрь и разглядываю белоснежный мрамор.

Следов от воды нигде нет.

Значит, Лида сюда даже не входила. Куда пойдет девушка, потерявшая невинность, в первую очередь?! Ну, себя она должна в порядок привести, как минимум, но...

Быстро возвращаюсь в спальню. Рассматриваю беспорядок. Вчера все у нас с этой малышкой было бурно. Партнерша понравилась темпераментная.

Отвечала Лида со всем пылом и страстью. Зацепила меня ее отчаянная натуральная чувственность.

Взгляд цепляется за лоскуток, наклоняюсь и поднимаю белые хлопковые трусы. Давненько я такого белья не видел. Непривычные. Дешевка, за три копейки купленная.

Обычная тряпка у меня вызывает умиление. Эти белые простые трусики без всяких изысков напоминают о невин-

ной девушке в моих объятиях.

Обычно женщины готовятся к ночи либо с клиентом, либо всегда в боевой готовности на случай, если приспичит.

Но моя беглянка другая. Или же у нее была иная цель?!

Пальцы сжимаются в кулак, сминая клочок белья.

Опять, словно гончая, подмечаю детали. Где-то под столиком валяется оборванный лифчик. Вспоминаю, как срывал его, как девушка смущенно пыталась закрыть от моих похабных глаз свою красоту.

Разминаю шею. Потихонечку картинка собирается.

— Где же ты, Лида?..

Проговариваю негромко и это имя опять царапает. Взгляд цепляется за штаны. Вернее, за бабки, которые вчера там лежали. В два шага подхожу и засовываю руку в карман.

Если она меня еще и на деньги кинула, будет совсем весело. Вытаскиваю пачку и понимаю, что Лида их касалась. Золотой перехват сбит. Я четко знаю, какая сумма была в кармане, но когда понимаю, что все на месте, нехило так удивляюсь.

Я не дебил, чтобы оставлять свой компьютер в поле доступа кого бы то ни было. Промышленный шпионаж здесь быть не может.

Девочка не воровка. Денег касалась, но не взяла...

Не сходится.

Зачем ей убежать?!

Зачем не брать “оплату”?

Особенно когда отрабатывала всю ночь.

Слишком много вопросов. Бросаю взгляд на смятую постель. Замечаю отчетливый след потерянной невинности.

Перед глазами калейдоскопом кадры – узкие ладони вцепляются в простыни, тонкие запястья в моих руках, которые я сжимаю до синяков, нежные пальцы, которые переплетаются с моими и царапают аккуратными ноготками, когда вонзаюсь особенно сильно в податливое мягкое тело.

Выдохи, хриплые стоны и ее кайф, читающийся в широко распахнутых глазах, когда малышка полностью потеряла контроль.

И голос, сорванный, наполненный ее желанием:

– Аслан...

Но вот до всего, что было. Лида что-то шептала. Только вот что именно она говорила, в тот миг ускользало от разгоряченного сознания. Я вообще-то поэтому и плачу, чтобы меньше болтали.

А вот Лиду послушать хочется. Особенно сейчас. Есть вопросы. Один из них. Какого, мать его, она убежала и как ей это удалось?!

– Что здесь не так?!

Рывкаю зло. Хочется продолжения, не насытился. Впервые. И бешенство поднимается от того, что девка обвела вокруг пальца самого Шаха.

Никто не смог. Ни один конкурент. Ни один враг. А тут...

Кровь начинает бурлить. Сцепляю зубы и иду под ледяной

душ. Слишком много всего разбудила маленькая проказница.

Струи обжигают холодом, но я не согреваю воду. Так и стою. Пока мозг не начинает работать здраво и не приступает к обработке информации.

Закручиваю вентиль, когда понимаю, что напряжение ушло. Обтираюсь полотенцем и одеваюсь. А вот с ключом возникают сложности.

– Если она меня еще и заперла...

У меня от гнева хорошо, что пар носом не идет, но почему-то едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться.

Расскажи кому про такое фиаско, в жизни не поверят.

От Шахова сбежала девка, да еще и заперла его в лоундже. Хорошо хоть бантик не повязала на прощание на моем причинном месте.

Карта обнаруживается у двери. Валяется. Девчонка ее использовала, улизнула и просто выкинула.

Так. Это уже совсем интересно. Малышка отработала, но убежала поутру. При этом имела доступ к деньгам, но не взяла ничего.

Даже белье свое не собрала, оставила на память. Ухмыляюсь и на автомате засовываю клочок ткани в карман.

Еще раз оглядываю помещение и опять натываюсь взглядом на алое пятно.

Не вяжется. Выхожу из номера.

Шаг и передо мной сразу же вырастают охранники и толь-

ко от одного взгляда на мою взбешенную рожу ребята понимают, что вляпались по самые.

– Девушка.

– Что, босс?!

– Моя девка. Где. Она?

– С вами? – задает полувопрос-полуутверждение. – Никто не выходил...

Охранник не успевает договорить. Впечатываю тушу в стену.

– Если я задаю вопрос, значит, там ее нет!

– Никто не выходил, босс!

– Вообще-то была одна... – слышу задумчивый голос Хасана...

Отпускаю охранника и поворачиваюсь к начальнику службы безопасности. Друг смотрит задумчиво. Его вообще сегодня здесь не должно было быть.

– Убиралась тут одна. Шах. Обычная уборщица. Проходила с полотенцами. Больше никого не было...

По мере того, как говорит, лицо у Абдулаева переклинивает. Понимает прокол.

– Найти!

Рывкаю так, что стены содрогаются.

Сам же иду к лифтам. Нажимаю на кнопку. Нужный этаж. Выхожу. Направляюсь к кабинету, не обращаю внимания на лепет секретаря.

– Подождите! Прошу вас!

Ловлю пацана, который смеет встать на пути, за шкуру. Один взгляд и он бледнеет.

– Простите, господин Шахов! Не признал сразу.

Отмахиваюсь от дебила. Дергаю за ручку и захожу в кабинет.

Зуева вскакивает. Бледнеет. Краснеет, пока я иду вперед и сажусь в кресло, в то время как женщина не рискует даже вздохнуть.

Откидываюсь в кресле и закидываю ногу на ногу. Кровь горячая. Приходится медитировать, чтобы не спалить все здесь к хренам.

Наконец, выдаю спокойно.

– Девушка. Лида. Где она?

– Л-лида?! – переспрашивает, заикаясь, лишь хмурюсь в ответ.

– Вам нужна Лида?

Вскидываю бровь. Если Зуева ко всем своим грехам еще и отличилась глухотой, повторять не стану.

– Я... я сейчас. Господин Шахов! Сию же секунду решу вопрос.

Почему-то подается вперед. Лично, что ли, звать собралась? Или бежать?

Не вариант. Ребята снаружи блокируют дверь. Сделав пару шагов, женщина, наконец, понимает суть проблемы и останавливается.

Приходит в себя и набирает номер, кричит, спорит с кем-

то и требует в кабинет сотрудницу и спустя пять минут в комнату влетает запыхавшаяся девчонка.

Не та.

Да вы, мать вашу, прикалываетесь?! Расскажи мне кто, сам бы не поверил, что такая вот ересь со мной произойти может. Кино отдыхает.

– Вызывали, Вероника Кирилловна?

Девка стреляет глазками в мою сторону. Сразу же придает телу нужный ракурс, выставляя ножку вперед. Демонстрация не проходит незамеченной. Как на контрасте эта бл... и девушка, которую ласкал ночь напролет.

Пальцы сами сжимаются в кулаки, мышцы натягиваются, я застыл в секундах до того, как разгромлю всю эту элитную шарашкину контору.

– То есть... это и есть... Лида?

Задаю вопрос, глядя в глаза старой кляче. Зуева начинает понимать степень своего попадания не только на бабки, но и на проблемы в моем лице.

– Господин Шахов... я... вы так внезапно нагрянули... я не знаю... других Лид в отеле нет. Я клянусь вам. Вы ведь Лиду ищите?! Я просто не понимаю уже ничего. Что именно вас так расстроило?!

Поднимаюсь резко и нарочито медленно иду в сторону Вероники. Равняюсь с ней и смотрю в ошалелые глаза.

Пожалуй, все, что сейчас происходит, это одна полная лажа. Подстава. Чую. Но не могу найти источник.

– То есть эта твоя Лида единственная здесь?!

– Д-да, господин Шахов, я не вру, клянусь вам!

Не врет. Запахло жареным, и эта краля шкурки своей лишиться явно не хочет.

– То есть, Вероника Кирилловна, ты мне сейчас хочешь сказать, что вчера вечером именно эта “Лида” отработывала в моем лоундже?!

По лицу женщины, наконец, проскальзывает понимание. Зрачки расширяются. Прикусывает ярко-алую нижнюю губу. Помада оставляет некрасивый след на зубах. Тянет дернуться в омерзении. Если это кому-то и кажется сексуальным, то явно не мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.